

Сомнамбула

Автор:

Антон Чиж

Сомнамбула

Антон Чиж

Исторические детективы Антона ЧижаРодион ВанзаровМашина страха #2

Октябрь 1898 года. Петербург сошел с ума: дама жует беличью шапочку, господин кукарекает, запрыгнув на прилавок, охранник тюрьмы застрелил арестантку. Особую тревогу вызывает самоубийство чиновника Охранного отделения: он утонул в центре города. Ванзарову поручают секретное расследование: не только поймать убийцу, но и найти исчезнувшую Machina Terroris – Машину страха. Загадочное изобретение, возможно, управляет поступками, превращая людей в безвольных сомнамбул. Чтобы раскрыть тайну, Ванзаров должен заглянуть в самые черные глубины гипноза...

Антон Чиж

Сомнамбула

© Чиж А., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Сеансы гипнотизма для чиновника сыска

Грозное предупреждение!

Милейшие читательницы и почтенные читатели!

Не торопитесь переворачивать эту страницу.

Позвольте предупредить вас...

...Некоторое время назад явилась книга «Машина страха» вашего покорного слуги.

Если вам повезло уже прочесть ее, смело переворачивайте страницу!

А если нет?

Пожалуйста, чуть-чуть задержитесь здесь.

События, которые разворачиваются в нынешней книге, происходят сразу после окончания тех, что случились в «Машине страха». Однако не спешите с разочарованием. Даю вам честное и благородное слово, что, прочитав нынешнюю книгу, вы с не меньшим интересом возьметесь за «Машину страха». Будто сразу начали трилогию с нее. В нынешней книге вы не найдете ни одной подсказки о том, что происходит в «Машине страха» на самом деле. Некоторые герои будут вам знакомы, но и только... Хотя знакомы ли?...

Нынешняя книга – вторая в трилогии, которая так и называется: «Машина страха».

Что же такое машина страха, или по-латыни *machina terroris*? Объяснений в Википедии вы не найдете. И ни в одном словаре тоже. Потому что это изобретение одного из героев трилогии, медиума и спирита Ионы Денисовича Иртемьева. Аппарат, который концентрирует неведомые спиритические силы и позволяет... управлять человеческими эмоциями. И не только эмоциями. Прибор предположительно даст возможность влиять на сознание множества людей... Какие перспективы открываются!

Что известно читателям первой книги, а вам полезно узнать?

Явившись в мир, изобретение Иртемьева понадобилось многим. За ним идет настоящая охота. Многие персонажи погибли.

А Ванзаров... У Ванзарова с машиной страха непростые отношения... Вскоре узнаете почему.

И еще. Будьте осторожны: эта книга обладает тайным воздействием. Не заметите, как окажетесь под гипнозом... Да-да...

Будьте бдительны, дамы и господа!

Искренне вашъ, Антон ЧИЖ

27 октября – 1 ноября 1898 года

Бесконтрольное гипнотизирование в связи с явлениями внушения служит нередко источником распространения ложных сведений в обществе, и, наконец, эти с виду невинные салонные развлечения, указывая на действительную неотразимость внушения и подхватываемые печатью, пропагандируют в обществе и народе одно из простейших и притом могучих, по-видимому, средств к пробуждению и укреплению в людях различных темных и преступных влечений, к совершению грабежей, насилий и даже убийств.

Академик, профессор, князь Тарханов И.Р. Внушение, гипнотизм и чтение мыслей. СПб., 1895 г.

28 октября 1898 года[1 - Все даты даны по старому стилю.]

Дом на Таврической улице

...и казалось ему, что к горлу приставили наточенное лезвие. С утра пораньше Эраст Сергеевич тщательно выбрился, надушился и причесался у своего парикмахера. Но сейчас бритву сжимала чужая рука. Одно неверное слово – побреет так, что костей не соберешь. Пустит кровушку, не глядя на чины и заслуги. Оглянуться не успеешь, как вылетишь в отставку.

Надо заметить, что директор департамента полиции этим утром малость трусил. В чем никогда не сознался бы. Беспокойство началось вчерашним вечером, не давало уснуть ночь напролет.

Все началось с того, что нарочный в форме жандармского ротмистра доставил Эрасту Сергеевичу Зволянскому письмо. В нем было приглашение на дружескую беседу в домашней обстановке. В последних строках письма имелась шутливая просьба сохранить встречу в строгой конфиденциальности. То есть не сообщать секретарям, где будет находиться директор департамента с девяти утра и до тех пор, «пока потребуется».

Приглашавший не числился другом Эраста Сергеевича, с которым можно душевно пообедать в ресторане, болтая о пустяках и актрисках, хотя о такой дружбе любой чиновник мог только мечтать. Он занимал должность одного из трех товарищей[2 - Заместитель министра.] министра внутренних дел, курируя политическую полицию империи во всех видах, не исключая и обычную полицию, которая обязана ловить не столько уголовных преступников, сколько врагов государства, когда объявится очередной враг. Власть этого человека в скромном цивильном костюме распространялась куда дальше его домашнего кабинета, где Эраст Сергеевич ощущал себя мошкой.

Зволянский предвидел, что после событий истекших дней такой разговор неизбежен, и готовился к нему заранее. Когда же пробил час, нервишки разошлись. Не удержал их в узде господин директор. И сейчас ерзал на краешке гостевого кресла.

– Таким образом, делаем вывод: происшествия в гостинице «Виктория» и в доме на Гороховой очевидных причин не имеют, – ласково сказал хозяин кабинета, к которому велено было обращаться запросто, без титулов чинов, то есть Александр Ильич. – Расскажи, Эраст Сергеевич, что удалось установить по Литовскому замку...

Докладную папку Зволянский держал на коленях, что было чрезвычайно неудобно. Сжатые, как у барышни, колени затекли, ему хотелось закинуть ногу на ногу, но такой вольности позволить было невозможно. Он перевернул лист предыдущего доклада, чтобы зачитать следующий.

– Дознание провел начальник исправительного арестантского отделения [З - В городском обиходе – Литовский замок.], коллежский советник Матеевский Никтополион Александрович, о чем и составлена настоящая записка, – проговорил он, показывая и служебное рвение, и непричастность к докладу, если выводы сочтут бестолковыми.

– Уволь от канцелярии, – сказал Александр Ильич, наблюдая за ерзаньем Зволянского на кресле. – Возьми главное, только факты...

Эраст Сергеевич вновь ощутил касание бритвы. Проверяют: ознакомился ли подробно, вник ли в содержание или пробежал по верхам. Не зря выучил докладную записку чуть не наизусть, как прилежный гимназист зубрит спряжения латинских глаголов. Прикрыв папку, чтобы Александр Ильич убедился в его рвении, Зволянский пересказал много раз читанный им текст.

Господин Матеевский докладывал следующее:

27 октября сего года в 6 утра смотритель женского отделения госпожа Рот заступила на дежурство, как полагается. Провела побудку арестованных женщин и осмотр камер. Около восьми утра Рот забрала связку ключей в дежурной комнате и направилась к одиночной камере, в которой содержалась арестованная. Открыв замок, Рот вошла в камеру. Арестованная сидела на койке. Без каких-либо побуждающих действий со стороны арестованной, то есть попытки к побегу, Рот вынула револьвер и сделала четыре выстрела с близкого расстояния. Три пули попали арестованной в грудь, четвертая вошла в лицо. После чего Рот опустила револьвер, громко сказала «осмотр закончен» и удалилась, оставив дверь камеры распахнутой. На звуки выстрелов прибежал

надзиратель мужского отделения Парамонов, который увидел арестованную, лежащую в крови. Он и поднял тревогу.

Вызванный тюремный доктор Юркевич констатировал смерть арестованной. О происшествии сразу было доложено начальнику тюрьмы. Господин Матеевский в сопровождении вооруженных стражников направился в дежурное помещение. Рот пила чай, была весела и спокойна. На вопрос о том, что она натворила, Рот выразила искреннее непонимание, доложив, что во вверенном ей женском отделении должный порядок. Чай позволила себе, пользуясь свободной минуткой. На прямой вопрос, на каком основании она расстреляла арестованную, Рот ответить не смогла. Более того, заявила, что ни в кого не стреляла. Господин Матеевский потребовал сдать оружие и пройти освидетельствование доктором Юркевичем. Рот вынула из ящика стола револьвер, приставила к виску и произвела выстрел. Пуля пробила ей голову. Помочь было невозможно. Причиной подобного поведения доктор Юркевич назвал внезапное помутнение рассудка на почве истерии, которая случается у женщин при наступлении определенного возраста или при различных обстоятельствах семейной жизни.

Закончив, Зволянский ожидал, какое впечатление произвела история. С виду Александр Ильич казался невозмутим.

– Смотрительницам женских отделений не полагается иметь оружие, – сказал он.

Эраст Сергеевич полностью согласился.

– Пронесла с собой. Никому не придет в голову досматривать смотрительницу.

– Эта... Рот, – Александр Ильич произнес немного брезгливо, – была знакома с убитой?

– Никак нет... До того как... известная вам особа была помещена в камеру Литовского замка, никаких общих связей. Ни мужчин, ни подруг. Посторонние люди из разных слоев общества...

– Тогда в чем причина такого поступка? Женщина может застрелить другую женщину в порыве ревности...

Зволянский покачал головой.

– Любовный мотив полностью исключен.

– Иными словами, надо поверить, что у смотрительницы случилась внезапная истерия...

В голосе Александра Ильича мелькнули нотки, не предвещавшие ничего хорошего. Опасное лезвие взмахнуло у горла. Пора было выпускать козырь, припрятанный в рукаве.

– Записка господина Матеевского вызвала сомнения. Я счел нужным провести дополнительное расследование, – сказал Зволянский, сложив ладони на докладной папке.

– Очень хорошо, Эраст Сергеевич, ближе к делу...

– Мы допросили надзирателей и стражников, чтобы выяснить обстоятельства, которые не попали в записку. Установлены сведения, что мадам Рот около половины седьмого утра провела в женское отделение постороннего... Имеется свидетель...

– Только один свидетель?

– Так точно, стражник Фоменко... Остальные стражники не подтверждают его показания. Да и Фоменко, можно сказать, заметил мельком из караульной.

– Что за история? Один видит – остальные нет. Почему никому не пришло в голову остановить чужака?

– Двое стражников караула уверяют, что никакого посетителя не было. Более того, Фоменко не смог достоверно описать неизвестного, не помнит, мужчина или женщина.

– И ничего более?

– К великому сожалению, – сказал Зволянский так, чтобы было ясно: сделали все, что в человеческих силах, и даже капельку больше. – Фоменко показывает: видел, как смутная тень мелькнула. У него не возникло мысли остановить или спросить, кто такой.

– Быть может, кто-то из тюремного ведомства или адвокат, часто посещающий тюрьму?

– Адвокаты так рано не приходят, а при посещении оставляют роспись в книге посетителей. Первая запись от девяти утра, – скромно заметил Эраст Сергеевич, показывая, что и этот факт был проверен. – Чиновник тюремного ведомства не водит дружбы с подчиненными. Тем более со смотрительницами женских отделений...

С этим Александр Ильич был согласен, на службу в тюрьму шли дамы, прямо сказать, на редкого любителя. Или особого ценителя. Уж как посмотреть.

– А этому стражнику, случаем, не привиделось с пьяных глаз? – спросил он.

– Отличается трезвым поведением и образцово несет службу...

– В таком случае, кто это был?

– На этот счет есть предположение...

– Эраст Сергеевич, не скромничай...

Это звучало поощрением. Призрак бритвы растаял до поры до времени.

– Не хочу будить ненужные опасения, но, возможно, оправдывается худшее...

Прозвучавшее было понятно обоим. Александр Ильич выдержал паузу, чтобы обдумать то, к чему и сам склонялся.

– Полагаете, изобретение Иртемьева все-таки попало в нечистые руки и этот случай – результат действия аппарата?

– Предположение, которое разумно объясняет поступок мадам Рот. В женскую истерию, тем более внезапную, простите, не верю...

– Не слишком хорошая новость, не находите? – спросил Александр Ильич, не ожидая согласия. – Если джинн в самом деле выпущен из бутылки, последствия могут быть...

Он не договорил. Ему и директору Департамента полиции последствия были очевидны во всей ужасной красоте. Стоит сложить расстрел в Литовском замке, происшествия в гостинице «Виктория», в доходном доме на Гороховой – и революционные бомбисты покажутся шаловливыми малышами.

– Если тщательно проанализировать ситуацию, – продолжил Зволянский фразой, которая редко попадалась ему на язык, – велик шанс, что *machina terroris*[4 - *Machina terroris* – машина страха (лат.).] Иртемьева еще не найдена.

– Почему так решили?

– В противном случае произошедшие смерти не имеют смысла.

Александр Ильич отнесся с недоверием.

– Как же объяснишь?

– Некто желает заполучить аппарат, но не знает, где тот находится. Он прилагает усилия для розыска, по-своему допрашивая свидетелей. Полагаю, гость Литовского замка заставил смотрительницу отвести его в камеру к арестованной, чтобы задать той вопросы. А потом тщательно замел за собой следы...

– Ты противоречишь сам себе. Каким образом этот субъект принудил Рот уничтожить арестованную, а потом и себя, если у него не было аппарата?

– Ответ может находиться вне границ привычных доказательств...

– Говори напрямик, Эраст Сергеевич.

Зволянский собрался с духом и сказал:

– Животный магнетизм. Или гипнотизм. Или нечто в этом роде, не признаваемое современной наукой.

– Твои личные выводы? – спросил Александр Ильич, глядя прямо в глаза директору департамента.

– Так точно, – ответил Зволянский, не считая нужным упоминать автора этого вывода. Главное ведь не придумать, а вовремя доложить начальству. Тем более он знал, кому предлагает сумасбродную идею, за которую в другом кабинете получил бы нагоняй, – Александр Ильич чрезвычайно интересовался спиритизмом и всем непознанным. С точки зрения практической пользы для полиции, так сказать.

– Разумно, Эраст Сергеевич, очень разумно. Что намерен делать?

– Направить Ванзарова, – последовал очевидный ответ.

– Он был довольно полезен...

– И будет продолжать розыски.

– Не слишком рискованно делать ставку на одного, даже самого толкового чиновника сыска?

– Если будет угодно, бросим на розыски все сорок два участка полиции Петербурга в полном составе. Только бывают задачи, которые не решить количеством приставов и городских.

Александр Ильич одобрительно кивнул.

– Эраст Сергеевич, тот, кто заморочил голову смотрительнице в Литовском замке, должен быть найден. Любой ценой.

– Так точно, будет сделано.

– Наверняка к остальным происшествиям он имеет непосредственное отношение.

– Вне всяких сомнений. Считаю, как только отыщем его – найдем и *machina terroris*. Впрочем, верно и обратное.

– Теперь на тебя вся надежда.

– Еще одно соображение, Александр Ильич. Если позволите.

– Не стесняйся.

– Считаю ненужным посвящать Ванзарова во все детали происшествия в Литовском замке и прочие обстоятельства, – продолжил воодушевленный Зволянский.

– Почему?

– Найти в темноте нечто неизвестное проще с завязанными глазами, – сказал он заранее отрепетированный афоризм. И остался доволен. Фраза произвела нужное впечатление.

– Как же заставишь его искать вслепую? – спросил Александр Ильич с чуть заметной улыбкой.

– У Ванзарова, как у Ахиллеса, есть болевая точка, на которую можно нажать.

– Гордость?

Зволянский согласно кивнул.

– Господин Ванзаров болезненно самолюбив. Стоит его хорошенько раздражить, он мир перевернет.

Идея была принята благосклонно. Александр Ильич повторил приказ: продолжить розыски исчезнувшего аппарата и любой ценой поймать посетителя тюрьмы, а

поймав, изучить, каким образом он замутил голову мадам Рот, чтобы подобных происшествий в тюрьмах не повторялось. Расстреливать и вешать заключенных имеет право только государство. Да и то приговоренных судом, а не от скуки или дурного настроения.

Желая поощрить Зволянского, Александр Ильич пригласил его на спиритический сеанс, который должен состояться у него дома в ближайшие дни. Сеанс сугубо частный, будет узкий круг друзей. Медиум чрезвычайно сильный, восходящая звезда, можно ожидать любопытных явлений. Приглашение Эраст Сергеевич принял с благодарностью, хотя считал спиритизм глупостью, замешенной на обмане. Но если начальство приглашает – и спиритизм сладок.

Выйдя из кабинета бодрым и невредимым, в искристом расположении духа, Зволянский столкнулся с женой Александра Ильича. В ранний час она предстала в простом домашнем платье, с ниткой жемчуга на шее.

Адель Ионовна была хороша, но красота ее была не во вкусе Зволянского: слишком правильная, слишком классическая, как статуя в Академии художеств. Не было в ней милой женской наивности с капелькой глупинки, которая так идет дамам до двадцати восьми лет. А еще он не мог забыть об огромной разнице в возрасте между ней и мужем. Она стала второй женой Александра Ильича и, по правде, годилась ему в дочери. Но что поделать, если влиятельный чиновник командует политической полицией, но не своим сердцем. Зато Адель Ионовна, как видно, умеет управлять им себе на пользу, раз уж стала дамой высшего света.

Зволянский изящно поклонился, ему подали руку для поцелуя.

– А, милый Эраст Сергеевич, не знала, что вы у нас, – сказала она так, как сказала бы статуя. Если бы статуи умели говорить.

– Старался не беспокоить вас с утра пораньше, – ответил Зволянский в отменно светской манере.

– Как вам удалось проскользнуть незаметно?

– Наши маленькие полицейские хитрости.

Адель Ионовна милостиво приняла шутку.

– Хотела еще раз выразить вам глубокую благодарность за то участие, которое приняли в деле моей матушки...

– Какие пустяки, и говорить не о чем, – ответил Эраст Сергеевич с некоторым изыщством. Получать благодарность от красивой дамы особо приятно, когда за тебя рисковал подчиненный.

– Передайте мою благодарность господину Ванзарову, – сказала она, показывая, что любезность статуи исчерпана, гостю пора удалиться. На домашний завтрак приглашения не будет.

– Непременно передам, – обещал Зволянский с поклоном.

Про себя же он подумал, что для воздействия на Ванзарова заготовлено более крепкое средство, чем благодарность хорошенького изваяния.

2

Петропавловская крепость

Держать особо важных арестантов приходилось на другом берегу Невы, в крепости. Добираться на допросы далеко и неудобно, но что поделать, если своих камер у охранного отделения[5 - Охранное отделение – отделение по охранению общественной безопасности и порядка при градоначальнике Петербурга (политическая полиция), в просторечье – охранка.] не имелось. Да и не будешь водить врагов государства под конвоем в благоустроенное присутствие. Беда в том, что охранка размещалась не где-нибудь, а в большом особняке самого градоначальника на Гороховой, 2. Окна выходили в Александровский сад. А из этих окошек площадь Дворцовая видна с Александрийским столпом и Зимним дворцом, где император бывал лишь изредка. Но все равно – приятно. В общем, нечего портить злодеями виды городской власти, которую они стараются сломать.

Начальник охраны, полковник Пирамидов, давно писал прошения о переводе охранного отделения в более удобное место, где можно благоустроить камеры, желательно в сыром подвале, сухих в Петербурге с основания не бывало, ну и чтобы арестованных водить на допрос в кабинет, а не ездить к ним на поклон. Врагов все больше и больше, забот невпроворот, не наездишься по тюрьмам. Полковнику обещали, но пока охранка обитала на прежнем месте.

Из камеры Пирамидов вышел первым. После четвертого допроса ему стало окончательно ясно, что с барышней толку не будет. Крепкая попалась. А времена стали мягкими. Раньше проще было: подвесить на дыбе, или пройтись кнутом по спине, или щипцами ноздри рвать – все бы рассказала. Теперь не то: попугаешь легонько, да и только.

Вслед за полковником вышли его помощники, ротмистр Мочалов и коллежский секретарь Квицинский. Ротмистр тяжело дышал, китель перекинул через плечо, рукава сорочки закатал до локтей. Белую ткань украшали вишенки засохшей крови, сырые потеки размазались по костяшкам пальцев. Ротмистр вытер их шелковым платком и спросил разрешения умыться после жаркой работы. Пирамидов отпустил его.

Под скрежет металла, повидавшего многих заключенных, стражник захлопнул дверь камеры и оставил господ в тюремном коридоре. Выход сами найдут, если пожелают. Тут они как у себя дома.

– Бесполезная трата времени, – обратился полковник к Квицинскому как к человеку разумному, с которым можно обсуждать самые заковыристые вопросы.

– Я бы не был столь категоричен, – в задумчивости отвечал тот.

Квицинский не одобрял, когда женщину бьют по лицу. Кулак у Мочалова тяжелый. Нельзя так, недопустимо. Не одобрял он искренно, но молча и про себя.

– Что же может быть полезного, на ваш взгляд, Леонид Антонович?

– Теперь окончательно ясно, что господин Ванзаров передал нам не тот прибор.

– Я вам сразу сказал, – со мстительным удовольствием отвечал Пирамидов. – А вы не соглашались, говорили: не может быть, мы же заключили с ним джентльменское соглашение. И вот результат. Это же очевидно: на бесполезном приборе, который нам подсунул ваш милейший Ванзаров, медная табличка какого-то доктора Baraduc. С чего бы Иртемьеву вешать ее на свое изобретение?

– Могло быть частью умной маскировки, – не сдавался Квицинский.

– От кого?

– От тех, кто проявлял интерес. Та же барышня Крашевская. Наверняка обнюхала весь дом Иртемьева. Увидела табличку и не заинтересовалась. А Ванзаров по незнанию предмета решил, что нашел нужное. Он честный малый. Я ему верю...

– Запомните: в нашем деле никому верить нельзя. Особенно честным людям. Честные люди – самые опасные. Хуже них только добрые. Ради добра могут пойти на любую мерзость. Вот так-то... А Ванзарова вашего хваленного давно пора вот эдак.

Кулак полковника показал, что следует сделать с чиновником сыска. Пусть только попадетсЯ. Давно напрашивается и проявляет самовольство. Пирамидов считал Ванзарова излишне умным, а значит, опасным. От человека себе на уме всего можно ожидать...

– Думаю, в поступке Ванзарова есть нечто полезное, – словно оправдываясь, заметил Квицинский.

Пирамидов беззлобно махнул рукой.

– Вы везде видите полезное.

– В этом случае – наверняка.

– И что же именно?

– Можем быть уверены: Ванзаров не нашел настоящий аппарат.

Полковник взвесил эту мысль.

– Почему так думаете?

– Отдал нам то, что попало под руку. В противном случае признался бы, что ничего не нашел. Он не станет врать так откровенно, то есть глупо.

Аргумент не слишком убеждал, Пирамидов считал ровно наоборот. Он упорно держался мнения, что чиновник сыска и хитрит, и темнит. Наверняка подыгрывает господам Зволянскому и Бурцову. А эти умеют воду мутить еще как.

– Им играют, как мелкой пешкой, – только сказал он.

Квицинский невольно представил размеры Ванзарова и слухи о его физической силе: такая пешка казалась не слишком мелкой.

– Это вполне возможно, – согласился он из вежливости.

– Кстати, вам известно, кто такой этот Барадюк? – продолжил Пирамидов.

– Французский ученый, спирит, в Парижской академии продемонстрировал изобретение, которое может фотографировать мысли. Предположу, что этот прибор, скорее всего, магнитометр аббата Фортена, который Барадюк усовершенствовал и назвал биометром. Фиксирует исхождение из человека жизненной силы, или животного магнетизма. Иртемьев был учеником доктора Барадюка. Прибор – наверняка подарок от учителя.

Полковник выразил на лице глубокое сомнение.

– И как выглядит фотография мыслей?

– Расплывчатые мутные пятна, – ответил Квицинский.

– Что и следовало предполагать. Одна бестолковщина с этим спиритизмом.

Если бы не интерес высокого начальства к разным оккультным глупостям, Пирамидов ни за что бы не позволил своему помощнику тратить время на обхаживание спиритических кружков.

– Не слишком ли глубоко погрузились, Леонид Антонович, в эти материи? – заметил он. – Где настоящая польза, о которой все время говорите?

Квицинский невольно кивнул.

– Польза... Да, Владимир Михайлович, считаю, что польза от арестованной мадемуазель Крашевской может быть.

– Какая именно?

– Она часто бывала в доме Иртемьева, могла видеть *machina terroris*, до конца не понимая, что это такое.

Пирамидов не слишком одобрял латинские названия, от которых несло аптечными лекарствами. Возражать подчиненному не счел нужным. Квицинский считался в охране интеллигентом, у которого особые методы работы. Вот и набрался всякой глупости у спиритов. Но, если найдет аппарат, это окупит все вольности, которые Квицинскому позволялись. Полковник не верил, что такой «волшебный» прибор был изобретен, но считал своим долгом найти его. Или заполучить любой ценой.

– Допустим, Крашевская что-то видела, – ответил он. – Как заставить вашу «электрическую женщину» заговорить? Она же смеялась нам в лицо и плевала кровью в Мочалова.

– Тут нужны совсем другие приемы, – ответил Квицинский.

И кратко изложил предложение, имевшееся наготове. Полковник был согласен на все, лишь бы добиться результата.

– Сможете найти такого умника? – только спросил он.

– Да, разумеется, у меня есть на примете...

– Везите его сегодня.

– Сегодня нельзя, нужно договориться. Он капризный. Завтра или послезавтра.

– Как угодно, только скорее, – выразил нетерпение Пирамидов.

Квицинский обещал исполнить со всей поспешностью.

Не доверяя тюремным стражникам, Пирамидов распорядился поставить у камеры мадемуазель Крашевской караул жандармов, вооруженных револьверами. И строжайше приказал открывать огонь при малейшем подозрении, если к важному свидетелю кто-то захочет проникнуть. Случай в Литовском замке стал для полковника хорошим уроком. Повторять ошибку и терять последнего свидетеля он не собирался.

Квицинский был отпущен заниматься делами.

Выйдя на свежий воздух из промозглого помещения Петропавловской крепости, Леонид Антонович вынул записную книжечку в сафьяновом переплете и сделал быструю запись. Ему пришла мысль настолько простая, насколько и гениальная. Она целиком ложилась в его план.

То, что он придумал, к чему так тщательно и осторожно подбирался, чтобы не сделать роковую ошибку, теперь должно было сложиться в успешную партию. У него были все козыри, оставалось сорвать банк. План представлялся настолько опасным, что, если бы Пирамидов о нем догадался, Леонид Антонович не только вылетел бы из охраны, но мог и костей не собрать. С полковником шутки плохи. При внешней простоте и туповатости видит насквозь, чутье звериное. Как бы не начал подозревать неладное. Надо спешить. Но, если выйдет все, как задумано, полковник ничего не сможет поделать. Ставки слишком высоки, чтобы приз достался двоим. И какие перспективы открываются... А пока пусть Пирамидов думает, что его ближайший помощник землю носом роет, чтобы преподнести ему на блюдечке загадочную *machina terroris*. Главное, чтобы не прозрел раньше времени.

Квицинский вынул карманные часы и убедился, что опаздывает. Быстрым шагом он вышел из крепостных ворот и отправился искать пролетку. Извозчики

объезжали это страшное место стороной.

3

Варшавский вокзал

Среди степенной суеты господин в черном пальто добротной английской шерсти ничем не отличался от других встречающих. Он неторопливо прохаживался, как будто угадывая место, где остановится нужный вагон. Лишь изредка бросал осторожные взгляды на дежурного жандарма, который не проявлял к господину никакого интереса. Да и что разберешь в толчее, где снуют носильщики, эхом разлетаются звуки вокзала, пытит котел паровоза, а дамы говорят преувеличенно громкими, нарочитыми голосами. Только опытный, придирчивый глаз смог бы заметить, что господин чрезвычайно взволнован.

Но кого не охватывает приятное волнение перед долгожданной встречей?... Сама атмосфера вокзала как будто обращает обычное, в сущности, дело – прибытие поезда – в торжественное, значительное, с духовым оркестром и цветами.

Ни оркестра, ни скромного букетика при господине не было. Не имел он модной тросточки, предпочитая держать руки в карманах и приподняв воротник от сквозящего ветра. А быть может, для того, чтобы никто не заметил, в какой крайней степени тревоги он пребывает.

Господину было от чего тревожиться. Он оказался почти в безвыходной ситуации, и выбраться из нее представлялось возможным лишь с огромным риском. Риск, который с большой вероятностью мог обернуться гибелью как его собственной, так и остальных. Но иного шанса не было. Он предпочитал не думать о худшем, старательно рассчитывая все, что предстояло сделать. Любая мелочь, любая случайность могли разрушить его план. Он прекрасно понимал, что успех или катастрофа целиком зависят от того, кто вскоре приедет. Последние минуты ожидания казались ему хуже пытки.

Вдалеке показался черный лик паровоза. Поезд приближался ленивой громадой, окутанной облаком пара. Под скрежет колес паровозный свисток оглушил всех вокруг, пропевший радостную весть конца дороге. Состав тормозил, пока не

замер окончательно. Сочным «пуффф» паровоз хвастался, что потрудился на славу, сквозь мглу, дождь и ветер доставив утренний из Варшавы по расписанию.

Кондукторы открывали двери вагонов, к ним ринулись носильщики со своими услугами, опережая встречающих, которые жаждали заключить прибывших в объятия. Господин избегал привычной суеты встречи. Он держался в некотором отдалении от вагона I класса, так, чтобы следить за приехавшими и встречающими.

Стоя у подножки вагона, кондуктор подавал дамам руку и помогал сходить неуверенным господам. Когда в тамбуре показался худощавый молодой человек, он и ему предложил помощь. Юноша вежливо отказался и принялся высматривать в толпе того, кто должен его встретить согласно телеграмме. Никто не обрадовался и не помахал ему рукой.

Сквозь толпу на перроне протиснулся моложавый, энергичный господин, явно опоздавший. Оглядев тех, кто уже покинул поезд и оказался в дружеских объятиях, он уставился на тамбур вагона. Юноша улыбнулся ему с надеждой: быть может, он тот, кого этот господин разыскивает, однако незнакомец не проявил к нему никакого интереса. Пробрался к кондуктору, стал что-то говорить на ухо, получил отрицательный ответ.

Видя, как приезжие падают в объятия, юноша ощутил себя потерянным. В столицу империи он попал не по своей воле, друзей и знакомых у него не было, да и денег в обрез. Будет мило, если над ним подшутили. Ему захотелось забиться в уютное купе и вернуться в Варшаву. Все-таки он отогнал страхи, не достойные польского юноши, которого с детства приучают встречать тяготы с открытым забралом, как подобает настоящему «лыцарю».

Собрав обрывки рыцарского духа, юноша ступил на перрон холодного Петербурга, о котором столько слышал. Мимо него вели соседей по вагону и тех, с кем виделся в ресторане поезда. Они выглядели счастливыми рядом с друзьями и родными. А он был один, если не считать обширного чемодана. Подбежал бородатый мужик, обтянутый фартуком, и прокричал что-то гортанное. Юноша плохо понимал русский, но догадался, что носильщик предлагает свои услуги. Он вежливо отказался. Мужик пожал плечами и тут же занялся горой чемоданов семейного пана из Варшавы.

Стоя в редющей толпе, юноша оглядывался, надеясь узнать того, кто его вызвал. Никого, кто бы заинтересовался его персоной. Мимо шли дамы, одетые по варшавской моде, спешили носильщики с поклажей на плечах, господа с радостными лицами бойко общались. Никому не было дела до одинокого молодого человека.

Поток пассажиров почти иссяк. Юноша безнадежно обернулся и побрел к выходу с вокзала. В нем боролись обида, возмущение и страх. Как могли с ним так поступить? Сорвать с места, заставить приехать в столицу, и что в результате: его забыли встретить! Куда деваться ему, бездомной собачонке?... Где искать помощь? Или на последние деньги купить билет во II классе и кое-как, голодая, вернуться домой?

В тяжких мыслях он не заметил, как оказался на привокзальной площади. Здесь было многолюдно и шумно, как на рынке. Извозчики, стоявшие в ряд, принимали пассажиров. Кто-то садился в карету, другие торговались. Среди всеобщего бурления юноша ощутил себя окончательно преданным.

– Яцек?

Слово, сказанное на родном языке, было чудом. Юноша обернулся и расцвел самой чистой и светлой улыбкой.

– Пан Бронислав? О, какое счастье... Наконец-то!

Перед ним стоял господин приличного вида, в пальто с поднятым воротником. Яцек забыл про обиду. Его встретили, и теперь он под заботами друга. Яцек искренне верил, что пан Бронислав его друг. Он захотел крепко пожать руку друга или еще лучше – обняться, как подобает землякам. Господин не изъявил желания проявить чувства. Напротив, изучающе рассматривал лицо Яцека, как рассматривают лошадь или новую шляпу. Яцеку стало неловко, он улыбнулся.

– Я уж подумал, забыли про меня... Пан Бронислав, а можно...

– Фотографию привез?

Яцек простил холодность, если не сказать грубость. Он был чувствительным юношей, но убедил себя, что в России добрый характер земляка мог испортиться. Чего еще ждать от империи?... Яцек вынул из кармана фотографию, сделанную в салоне на Новы Щвят[б - Nowy Swiat – улица в центре Варшавы.]. Земляк переводил взгляд с него на снимок.

– Лично встречался?

– Конечно, пан Бронислав, обязательно надо понять характер человека и передать...

– Усвоил, что нужно делать?

– Это несложно... – Он показал выразительный жест, но его остановили.

– Не надо, перестань.

– О, простите... Пан Бронислав, а вы сможете устроить мне билет в императорский театр? Очень хочу посмотреть...

– Сначала дело.

– Конечно! Можете на меня рассчитывать...

– Очень надеюсь, – сказал пан Бронислав, пряча фотографию за пазуху. – Видишь крайнюю пролетку? Иди к ней, жди меня.

– О, благодарю!

Подхватив чемодан, Яцек спрятал разочарование за улыбкой. Разве так встречаются земляки? Разве это ему обещали?

Господин проследил, как юноша неумело закинул чемодан в пролетку и забрался сам. Он закурил папиросу. Боковым зрением заметил, что рядом появился еще кто-то.

– Ну, что там? – спросил он по-русски, не поворачивая головы и выпуская дым.

Рядом с господином, как будто случайно, остановился покурить человек невзрачного вида. Такого невзрачного, что в толпе может сойти за пустое место. Пройдешь и не заметишь. Ни одежда его, ни лицо, ни манера держаться, чуть сгорбившись, не оставляли в памяти ничего, кроме размытого серого пятна, что было несомненным талантом. Редким и нужным.

– В лучшем виде... Кондуктора допытывал, даже в вагон залез, потом побежал на телеграф... – ответил тот.

– Это все?

– Почти. За ним кто-то ходит. Умело и незаметно.

– Ты уверен?

Невзрачный усмехнулся:

– У меня глаз наметанный. Он – за ним, а я – за ними.

– Вот видишь, пан Почтовый, осторожность не бывает лишней, – ответил господин, прикрываясь рукой с папиросой. По-русски говорил он чисто, немного смягчая окончания слов.

– Тебе видней, Бронислав.

– Теперь другое. Нашел, кто то зроби́в?

Раздался смешок, похожий на простудный кашель.

– Что ж не найти, дело нехитрое...

– Сведения точные?

– Обижаешь. Точнее не бывает, можно сказать, из первых рук. Господин старший помощник пристава Можейко чрезвычайно охоч до угощения. Как согрется, так язык развязывает, только держись.

– Кто он?

Тут неброский господин сделал глубокую затяжку и бросил окурок в лужу.

– Мой тебе совет, Бронислав, не связывайся с ним.

– Не твоя печаль. Кто?

Почтовый шмыгнул носом, будто не решаясь сразу произнести опасное слово.

– Ванзаров Родион Георгиевич.

– Охранка?

– Нет, из сыскной.

Бронислав повернул к нему голову.

– Цо такэго? Обычный чиновник. Тупой и ленивый.

– Я тебе совет дал, а дальше твое разумение, – ответил невзрачный.

– Теперь ходи за ним, чтоб каждый шаг его знал.

– Это можно. Только надо бы за прошлые труды.

В карман пальто Почтового влезли несколько мятых купюр.

– Не сомневайся, глаз не спущу.

Швырнув недокуренную папиросу под ноги, Бронислав пошел, не прощаясь. Он не видел, какой кривой усмешкой проводил его господин со странной фамилией Почтовый. Хотя, впрочем, каких только чудных и редкостных фамилией не встретишь в Петербурге, каких и быть не может. Вот, например... но не в этот раз.

Запрыгнув в пролетку, Бронислав устроился на диванчике и дружелюбно ткнул юношу в бок.

– Первый раз в столице проклятой империи, а, пан Яцек?

Юноша ответил дружеской улыбкой.

– Первый. Хотя изучал историю и архитектуру.

– Вот и хорошо, молодец. В знании – сила. Пригодится. Особенно расположение улиц и проходных дворов.

– Пан Бронислав, останавлиюсь у вас?

– Зачем у меня. Почетный гость обязан проживать в лучшей гостинице.

– Неужели в «Европейской»? – чуть не задохнувшись от счастья, спросил Яцек.

– Зачем «Европейская»? «Европейская» пустяк. Будешь жить в «Виктории». Первый разряд...

– О, благодарю вас! Так мы сейчас туда?

Пан Бронислав окинул взглядом юного соседа по пролетке.

– Пан Яцек, ты не голоден?

– Нет, что вы, пан Бронислав! – отчаянно соврал Яцек, который последний раз съел бутерброд в буфете на перроне в Вильно.

– Ну и хорошо. Тогда пообедаем после.

– А сейчас куда? – спросил Яцек, обожавший все новое, особенно приключения.

– Приведем тебя в порядок, наведем столичный лоск, – ответил Бронислав и крикнул извозчику: – Трогай!

Ванька в потертом тулупе, глухой к журчанию чужой речи, хлестнул лошаденку вожжами. Пролетка тронулась к Варшавскому мосту, перекинутому через Обводный канал.

Проезжая по мосту, Яцек свернул голову, рассматривая высокую краснокаменную церковь Общества трезвости, стоящую вблизи вокзала. Впереди он предвкушал чудные красоты столицы проклятой империи. Той самой, что разделила и поглотила его бедную родину.

4

Фонтанка, 10

Столица империи предлагала развлечения на любой вкус: от певичек кафешантана до лекций по греческой философии. Лекции и полезные выставки чаще всего устраивались в больших залах Соляного городка, фасадом выходивших на Фонтанку, а тылами в Соляной переулок.

Здесь находились целых три музея: Кустарный, Технический и Педагогический музей военно-учебных заведений. В залах Кустарного вот уже несколько дней как развернулась Выставка камнерезного мастерства и уральских ремесел. Все, чем богаты Уральские горы, шахты и рудники, было выставлено в виде каменных, чугунных и литейных изделий. Из уральских богатств не выставили только каторжан, арестантов и ссыльных. Да и то сказать, незачем смущать столичную публику звоном кандалов и тюремными песнями.

Выставка была смотрами того, что предстояло везти через два года в Париж, на Всемирную выставку 1900 года. Для широкой публики экспонаты не представляли большого интереса. Ну, разве вырезанные из камня шкатулки,

подсвечники и прочие предметы домашнего обихода. Посетителей было мало, залы пустовали.

Около полудня в зал вошла дама, одетая в жакетку модного фасона и теплую, по погоде, шапочку. Лицо ее прикрывала густая вуаль. Она осматривалась, будто искала что-то нужное, когда наконец заметила Уральское общество обработки камней. В стилизованной под старинный терем экспозиции были выставлены каменный набалдашник для трости, искусно вырезанные головы гончих, мундштуки, чернильные приборы, тонкие гребешки, массивные пепельницы и прочие предметы, которые так приятно показывать гостям, никогда ими не пользуясь. Около терема скучал приказчик. Даме он поклонился с большим рвением и спросил, чем может служить.

Дама оглянулась, будто за ней слежка.

– Я ищу господина Зосимова, – тихо произнесла она.

– Прошу простить... мадам, – ответил приказчик наугад, не видя ее лица и угадывая замужнюю женщину по фигуре. – Что вам угодно?

– Передайте ему... – Тут она запнулась и, приблизившись на полшага, произнесла: «Ищущий найдет награду свою»...

Приказчик повел рукой в глубину терема.

– Извольте пройти за ширму. Вас ждут.

Дама, немного робея, прошла мимо столов с каменными изделиями и отодвинула занавес черного шелка. Внутри было темно. Две толстых свечи неясно освещали столик, на котором что-то темнело.

– Кто вы и что вам нужно? – раздался глухой голос.

– Могу я видеть господина Зосимова? – спросила она, понимая, как глупо звучит вопрос в полной темноте с вуалью на глазах.

– Что вам нужно? – спросил голос, выделяя интонацией «вам».

Она догадалась и повторила пароль.

– Войдите и сядьте, – последовало приказание.

Не смея спорить, дама шагнула за полог занавеса, и он закрылся у нее за спиной с тихим шорохом. Подобрав юбку, она устроилась на шатком стуле и закинула вуаль на шапочку. Огоньки свечей ослепили. Она сощурилась и заметила за ними темный предмет, тускло отражавший блики.

– Что вы хотите? – спросил невидимый хозяин темноты.

– Мне рекомендовали... Посоветовали... Взглянуть на спиритическое зеркало. Это возможно?

– Что вы хотите? – последовал вопрос.

Дама поняла, что ее спрашивают о нечто большем, чем дамское любопытство.

– Я хочу знать. Хочу заглянуть в свое будущее.

– Зачем?

– Чтобы знать.

– Зачем?

Голос не отпускал. Ему хотелось безропотно подчиниться.

– Чтобы не совершить ошибку...

Голос молчал. Было тихо. Дама оглянулась, будто говоривший из темноты мог оказаться позади нее. Позади был черный шелк.

– Протяните правую руку.

Она послушалась.

Ладонь наткнулась на что-то твердое. Пальцы ощутили холод полированного камня. Ей показалось, что свечи вздрогнули и уменьшились. Чего не привидится в темноте.

– Ваше настоящее имя по крещению Авдотья, после замужества вы пожелали именоваться Адель. Вышли замуж потому, что это была удачная партия и так хотел ваш отец, который недавно скончался. Вы получили большое наследство, которое перешло от матери. Ваш муж чиновник высокого ранга, очень высокого. Вы не любите, но уважаете его.

– Довольно! – вскрикнула Адель Ионовна, отдернув руку. Результат оказался не таким, как ей обещали. – Я пришла не для исповеди.

– Чего же вы хотите?

Кажется, теперь голос звучал откуда-то спереди. В темноте так легко ошибиться.

– Мне нужен совет, что делать.

– Положите обе ладони на зеркало.

Глубоко вдохнув, Адель Ионовна уперлась руками в гладкий камень.

– Зеркало покажет вам то, чего вы хотите больше всего.

Она увидела. Увидела воочию. Это было так прекрасно, как сон, который снится в детстве, когда горести разгоняет мамин поцелуй. Картина, которую она видела, в самом деле была тем, о чем она мечтала, но не могла и боялась признаться себе. И тем, чего никогда не будет...

– Ванзаров. – Она поняла, что произнесла вслух.

Адель Ионовна заставила себя вырвать руки у зеркала.

– Но это... Это... – Она никак не могла отогнать видение, которое стояло перед глазами ярким маревом. – Это не дает мне ответа.

– Приложите к зеркалу левую руку.

Снова она подчинилась.

И увидела. И поняла, что должна делать. Значит, все одно к одному.

Зеркало больше не требовалось.

– Вы получили ответ?

– Да... Да... Благодарю... – торопливо отвечала Адель Ионовна, роясь в ридикюле. Денежные купюры, как назло, не попадалась.

– Вы узнали, что вам нужно?

– Да, я теперь знаю, когда и как все закончится.

– Ответ дан только вам.

– Не беспокойтесь, хранить секреты я умею... Сколько должна за сеанс?

– Истинная награда, как знание, не имеет цены.

Не желая выпрашивать, Адель Ионовна бросила под зеркало бумажки, сколько попало, и опустила вуаль.

– Благодарю... вас, – сказала она, не зная, кому в темноте достаются ее слова. – Передайте мою благодарность господину Зосимову.

– Одно условие: вы не должны рассказывать не только о том, что увидели, но и о самом зеркале. Забудьте навсегда.

– Конечно... Благодарю...

Адель Ионовна больше не могла оставаться в темноте. Она отбросила занавес и быстрым шагом покинула выставку. Не важно, что господин Зосимов не показал лица. Главное, что результат был лучше, чем можно желать. Теперь Адель Ионовна не сомневалась в правдивости видения, которое явилось в зеркале.

Стоя на набережной Фонтанки, где дожидался экипаж, она ощутила, как бешено колотится сердце и не хочет уgomониться. Чтобы отвлечься, она щелкнула крышкой часиков, висевших на золотой цепочке.

Как странно...

Ей казалось, что у зеркала она провела не больше четверти часа. Часы же показывали, что куда-то исчез час.

29 октября 1898 года

5

департамент полиции, Фонтанка, 16

Октябрьская непогода стучалась в окно. В утреннем мраке пряталась набережная реки Фонтанки и Инженерный замок, а за ними и весь Петербург. Приемная директора департамента полиции была ярко освещена электрическим светом новой люстры, сиявшей стосвечовой лампочкой в центральном колпаке и четырьмя двадцатисвечовыми вокруг нее. Свет был таким ярким, что дежурный чиновник Войтов с непривычки жмурился.

Он явился на службу раньше всех, в восемь утра, чтобы к приходу господина директора утренние бумаги, газеты и полицейские сводки были разложены так, как любил Эраст Сергеевич, то есть «лесенкой». Закончив с канцелярией, Войтов занялся журналом посещений. Среди прочих посетителей, важных и не слишком, первым в списке стояла фамилия «Ванзаров». Господин этот за последние две недели вызывается Зволянским уже третий раз. К чему бы такое внимание

мелкому чиновнику сыскной полиции? Опыт службы нашептывал Войтову, что такие частые визиты неспроста. Уж не готовят ли господина Ванзарова к карьерному взлету? И куда ему взлетать? Тренированная память подсказала Войтову слухи, которые бродили вокруг личности этого господина.

Общим мнением было, что Ванзаров обладает некоторыми способностями, не слишком выдающимися, так, в самую меру. Скорее ему удивительно везет в раскрытии различных дел. На этом лестные характеристики заканчивались. Говорили, что Ванзаров не почитает начальство, самоуверен, довольно нагл и непочтителен, надменен и несдержан на язык, может высказать свое мнение, когда в нем не нуждаются, резок и не умеет говорить приятные комплименты, рубит сплеча и гордится университетским образованием по классической древности. Не имеет друзей среди сослуживцев, не стремится построить карьеру и заслужить награды. Кажется, не посещает церковь и до сих пор не представил обязательную для чиновника ежегодную справку о причастии. Хуже того, было известно, что Ванзаров водит дружбу с бешеным драконом, исчадием ада и настоящим бедствием департамента полиции, господином Лебедевым, так называемым великим криминалистом.

Резкое осуждение вызывало семейное положение Ванзарова, то есть его полное отсутствие. Молодой человек был преступно не женат, не согнул свою шею под ласковый хомут жены и детишек, без чего любой чиновник вызывает законные подозрения: уж не вольнодумец ли? При этом вид имеет такой приятный, что жены и дочери чиновников департамента откровенно засматривались на его усы вороненого отлива и соломенный вихор. К счастью, только на официальных приемах департамента. Кому приятно, когда твоя дочь на выданье строит глазки подозрительному субъекту, а он и усом не ведет, не то чтобы пригласить крошку на тур вальса. Не говоря уже о подозрительной улыбке, что блуждает на устах твоей дражайшей супруги...

Войтов вспомнил и о том, как поговаривали, что якобы Ванзаров несколько лет назад оказал секретную услугу высшим лицам империи, что-то связанное с поездкой команды спортсменов на возрожденные Олимпийские игры в Афины, заслужил орден, но не воспользовался перспективами.

Тем не менее Ванзаров зачастил к директору. Быть может, господин Зволянский задумал произвести рокировку и подвинуть кого-то из неугодных лиц, а на освободившееся место посадить Ванзарова. А раз так, то наглый выскочка не так прост, как кажется. Не зря зарабатывал себе репутацию неподкупного служаки,

чтобы в нужный момент предложить свои услуги.

И кого же директор может подвинуть? Прекрасно зная скрытые ниточки, поддерживавшие нутро полиции, Войтов пришел к мнению, что дни начальника сыскной полиции Петербурга сочтены. Заменят господина Шереметьевского на юного выскочку, не иначе. Да и то сказать, засиделся. Господин директор его недолюбливал и не раз высказывался, что тот не соответствует месту. И вот взялся всерьез.

Открытие убедило Войтова, что с Ванзаровым следует держаться исключительно любезно. А Шереметьевскому намекнуть, какой ветер может его сдуть. Вязать интриги и поддерживать нужные связи было настоящим талантом дежурного чиновника.

Ровно в назначенное время, минута в минуту, в приемной появился не слишком высокий, но и не слишком низкий господин, плотного телосложения, с крепкой, почти бычьей шеей, что говорило о недюжинной физической силе. С ним влетел уличный холод, или Войтову стало отчего-то зябко. Быть может, его приморозил взгляд, не обещавший ничего дурного, но и не суливший ничего хорошего. Такой особый взгляд, который трудно выдержать хорошо воспитанному чиновнику.

Невольно вздрогнув, Войтов вышел из-за стола и особо приветствовал посетителя. В ответ получил холодный кивок.

– Господин директор вызвал меня, будьте любезны доложить, – сказал Ванзаров без капли обходительности.

– Сию минуту, – ответил Войтов и, мягко ступая, пошел к двери кабинета. Про себя же отметил, что счастливый избранник выглядит столь мрачно и безрадостно, будто ему предстоит не повышение, а поездка в Туркестан.

Войтов забежал в кабинет и сказал только: «Ванзаров».

Настроение шефа показалось странным. Эраст Сергеевич не прикоснулся к поданным бумагам, бродил по кабинету и будто испытывал физические муки, то и дело дергая галстук и манжеты. Директор пребывал в крайней степени раздражения, если не сказать расстройств. Причины Войтову были неясны, а потому вызвали интерес. Зволянский махнул рукой, что означало «проси!», и

заставил себя сесть за стол.

Ванзаров вошел и сдержанно поклонился. Ему указали на стул, который был приставлен к резному краю стола. Чиновник сыска сел и молча уставился на директора, будто желал только усложнить задачу, над решением которой Эраст Сергеевич бился со вчерашнего дня и не был уверен, что нашел нужные слова.

– Докладывайте, – резко бросил он и принялся перекладывать бумаги перед собой.

– Прошу простить, о чем?

И ведь понимает, стервец, что от него требуется. Так ведь нарочно мучает!.. Доводы рассудка Зволянский оставил при себе.

– Доложите об успехах ваших розысков за последние два дня, начиная с утра 27 октября.

– Успехов нет, – ответил Ванзаров, не опустив взгляда.

Эраст Сергеевич ощутил прилив уверенности.

– А что же так? Столько усилий приложили. И в гостинице «Виктория» опрашивали обслугу и портье, и в доме на Гороховой дворника терзали. И в Литовский замок не поленились наведаться. И даже в больницу умалишенных. И никаких результатов? Удивляете, господин Ванзаров, так непохоже на вас...

– В Литовском замке мне отказали в проведении розыска. В больнице ординатор сообщил, что мадам Иртемьева пребывает в каталепсии.

– Надо же! – Зволянский всплеснул руками. – Какой провал! И у кого? У самого бесподобного Родиона Георгиевича Ванзарова... Подумать только...

Ванзаров сидел не шелохнувшись. Даже глазом не моргнув. Зволянский ощутил новый прилив сил. Он встал и строжайшим образом стукнул кулачком по столешнице.

– Отдавая дань вашим талантам, хочу напомнить, что вы – чиновник полиции, – повышая голос, начал Эраст Сергеевич. – То есть обязаны выполнять приказы, а не заниматься самостоятельными розысками. Вам было дано подобное поручение?

– Никак нет.

– Вот именно! Более того, пристав Вильчевский установил, что смерти в гостинице «Виктория» и на Гороховой имеют естественную причину. Почему посмели действовать против фактов?

– Потому что это убийства.

– Выбросить из головы эту глупость! – Зволянский сорвал голос и закашлял. – Это приказ...

Ванзаров встал.

– Слушаюсь.

– Нос не совать ни в Литовский замок, ни в больницу.

– Так точно. Могу идти?

И хоть Ванзаров не был великаном, Зволянскому показалось, что его сейчас схватят, завяжут узлом и выбросят в Фонтанку. Такая сила исходила от внешне сдержанного чиновника сыска.

Эраст Сергеевич нервно замахал рукой, указывая, чтобы Ванзаров сел. Тот подчинился. Зволянский и сам плюхнулся в кресло.

– Запомните: никаких дел не было и нет.

– Так точно.

– Да хватит вам! – обиделся Эраст Сергеевич. – Что вы заладили... Изображаете служаку... Не понимаете, какую кашу заварили?

Ни один волосок усов Ванзарова не дрогнул.

– Прошу простить, никак нет, – ответил он.

– Эх, Родион Георгиевич... Сделали одно доброе, но частное дело, а главное-то упустили!

– Поэтому позволили себе...

– Да не о том речь! – директор выразил искреннее раздражение. – Как могли упустить *machina terroris*? Как позволили, чтобы аппарат исчез и теперь неизвестно в чьих руках находится? Как с вашим умом совершили такую непростительную оплошность?

Бесполезно напоминать, что ничего подобного от Ванзарова не требовали. Ну, почти не требовали.

– Эраст Сергеевич, позвольте говорить напрямик? – спросил он.

Ему позволили.

– Обязан разъяснить: *machina terroris* не существует. Это выдумка, а вернее, большая ошибка господина Иртемьева, в которую он верил и поплатился за это. Все прочее – пустые фантазии.

Зволянский удовлетворенно кивнул.

– Фантазии? А как же погибшие, причину смерти которых вам не удалось установить? Как быть с ними?

Ванзаров промолчал.

– Так вот, драгоценный Родион Георгиевич, у нас имеются неопровержимые факты, что *machina terroris* – не выдумка, а настоящее. Более того, поисками этого аппарата заняты чрезвычайно опасные личности.

– Желаете, чтобы я продолжил розыск? – спросил Ванзаров.

Эраст Сергеевич величественно взмахнул рукой.

– Нет! Уже не желаю! Вы опоздали, Ванзаров! С вашей хваленой логикой и сообразительностью сели в лужу, опростоволосились, дали маху, проворонили, нет, хуже того – вы ошиблись! И теперь на вас несмываемое пятно позора! Был у нас в полиции единственный сыщик, не знавший поражений, да весь вышел. Все, конец. Раз не верите, что аппарат, который может натворить неисчислимые бедствия, существует, то и спросу с вас нет. Возвращайтесь в сыск, занимайтесь кражами в бакалейных лавках. Там вам самое место. А *machina terroris* будут искать другие, настоящие таланты. И с Божьей помощью сыщут... Все, более не задерживаю.

– Благодарю за откровенность, – сказал Ванзаров, поклонился и вышел.

Оставив дверь кабинета широко распахнутой, а чиновника Войтова в сомнениях: что-то не похоже, чтобы после обещания должности счастливчик вылетал в эдаком ледяном бешенстве. А различать эмоции Войтов умел. Все-таки в департаменте полиции служит, не в посудной лавке.

6

Екатерининский канал

Октябрь кончается. Не пройдет и двух недель, как каналы и речки столицы встанут во льду. А еще через недельку Нева оденется в белый панцирь. Сезон перевозок окончен. Уже такие волны, что на большую воду сунуться боязно, не то что пассажиров везти или поклажу.

Лодочник Портнягин привязал канат к причальному кольцу, вделанному в гранит канала, и с тоской подумал, что заработать до зимнего безделья уже не

придется. Лодчонка его отслужила и этот год, с апреля таская на себе мелкие грузы и господ, желающих приятно провести время, качаясь на волнах. Да только платят мало, а речная полиция чуть что – требует патент. Откуда у Портнягина патенту взяться. Только и живет, что с мелкого извоза. Кому бочку перевезти, кому мешки с капустой. Мечтал построить большую лодку, чтобы под парусом катать веселые компании в Финском заливе. Там и заработок другой, и уважение. Да только мечты остались мечтами. Летом некогда, а зимой руки не доходят: то свою лодку законопатить, то приятелям с мелким ремонтом помочь.

По добру, Портнягину уже давно пора было браться за весла, плыть на Васильевский, вытаскивать лодку на берег и волочь в зимний сарай. Да только все надеялся заработать лишний рубль. Тут, на канале, о зарботке и думать нечего. Кто захочет кататься по вонючей канаве, да еще в осеннюю непогоду. Умом Портнягин понимал, но еще на что-то надеялся. Как надеется русский человек на удачу, несмотря ни на что.

Ветер задул крепко. До печенок пробирает. И вода стоит низко, всю сдуло. Значит, скоро наводнение. Это уж обязательно. Портнягин оглянулся. Сверху на него смотрели гранитные блоки и чугунная решетка набережной. Ни одной живой души...

Все, кончилось терпение. Портнягин не спеша вставил весло в уключину и опустил в воду. Весло что-то задело. Как будто наткнулось. Портнягин перегнулся через край и увидел, что к лодке прибило темный куль, который качался на волне и подныривал. Наверное, ком старой одежды кто-то выбросил. Или глупая баба обронила в канал узелок.

Скорее из интереса Портнягин подпустил весло и подцепил куль снизу. Предмет оказался тяжеловатым, не давался. Лодочник ухмыльнулся: ишь ты, что за странность... И поднажал. Весло вошло глубоко в воду и подтолкнуло предмет к поверхности. Из воды показалось что-то продолговатое, большое, белесое с одного конца.

Портнягин как увидел, так отпрянул и весло выронил. Куль маленько ушел под воду, но отпускать лодку не пожелал, прицепился к ней, прижался, как родной.

Только этой беды не хватало...

Трясущимися руками Портнягин развязал канат на кольце, вставил правое весло и сильно оттолкнулся от набережной. А как лодка отошла, изо всех сил заработал веслами, чтобы скорее уйти от страшного места, чтобы никто не приметил. Уплывая все дальше, он видел, что куль держится под тонким покрывалом черной воды...

7

Литейный проспект, 4

Место было скромное, но сулило большие перспективы для молодого человека, мечтающего сделать юридическую карьеру. На сладкую вакансию нацелились несколько любящих отцов, желающих счастья для своего сыночка. Причем не просто желающих, а имеющих возможности подкрепить желание важными услугами.

Выбор предстояло делать без конкурса, а по личному желанию одного чрезвычайно серьезного господина. Следовательно по особо важным делам Петербургского окружного суда Александр Васильевич Бурцов имел репутацию человека жесткого, строгого, прямого, энергичного, не расположенного к пустякам, а потому всегда добивающегося результата. То есть приговора, которого заслуживал преступник.

Несколько дней назад место его личного помощника и секретаря оказалось свободным. Любой отец, а тем более – мать, у которых сын окончил Училище правоведения или юридический факультет, спали и видели, чтобы их чадо попало в ежовые рукавицы Бурцова. Из них желторотые чижики вылетали потрепанными, но закаленными юристами. Лучшей школы для юношей нельзя было желать. Конечно, дитя обливало слезами и зализывало раны, но толк был несомненный. Несколько бывших помощников Бурцова уже стали успешными адвокатами и порой соперничали на процессах со своим беспощадным учителем, что добавляло Бурцову негласной славы и только сильнее подзуживало отцов.

Господин Войтов, отец Петеньки, сумел замолвить за сынка такое веское словечко, что Бурцов сделал выбор в его пользу. Хотя Петенька ничем не отличался от других пятерых кандидатов, он был принят. И сейчас юношу переполняла гордость. Только строго застегнутый костюм кое-как ее сдерживал.

Петенька заступил на должность вчера, получил список обязанностей и правил, которые старательно вызубривал. Главным правилом было не пускать к патрону кого ни попадя. Окружной суд – что проходной двор, шляются и репортеры, и зеваки, и дамы, которым делать нечего, а дай поглазеть на судебные прения. Помощник обязан был встать перед незваными посетителями стеной и без разрешения Бурцова не давать посетителям вольности.

Дверь распахнулась, и в приемную решительно вошел господин, похожий на крепко сбитый тук. Не говоря ни слова, он направился к кабинету Бурцова. И хоть Петенька не отличался особой физической силой, но героически защитил покои патрона, то есть заслонил собой дверь.

– Что вам угодит... – успел произнести он угрожающе-высоким юношеским голосом. После чего ощутил, как ноги его оторвались от паркета, а сам он оказался в странном положении, в котором обычно переносят кота или собачку, то есть под мышкой визитера. Другой рукой господин распахнул дверь, слегка задев ее темечком Петеньки, и вошел в кабинет.

– Доброе утро, господин Бурцов, – сказал он, не отпуская добычу, а немного сжав так, что Петенька издал писк мышонка, которым закусывает удав.

Александр Васильевич, застигнутый врасплох, кивнул и пробормотал нечто невразумительное, наблюдая за мучением помощника, свисающего с крепкой руки.

– Приватный разговор, не возражаете?

Просьба была высказана столь прямо, что отказаться от нее не было возможности. Никто бы не отказался.

– Верните на место Петра Александровича, – попросил Бурцов.

Петеньку встряхнули, как куклу.

– Подобрали нового помощника?

– Пришлось... Пощадите, он сейчас задохнется.

Действительно, стиснутый под мышкой Петенька начал хрипеть, лицо его пошло пунцовыми пятнами. К счастью, юноша ощутил свободу и твердую почву под ногами. После крепких объятий его малость пошатывало.

– Мой вам совет, юноша: не увлекайтесь барышнями, а увлекайтесь изучением Уложения о наказаниях. Полезное чтение.

– Слушаюсь, – кое-как выдавил Петенька и затворил за собой дверь.

– Хилый юноша – не значит умный, – сказал Ванзаров, без приглашения садясь к столу Бурцова и помещая на коленке шляпу.

– Чем обязан столь приятному визиту, Родион Георгиевич?

– Был поблизости, вызвали в департамент полиции, – ответил Ванзаров. – Господин Зволянский приложил серьезные усилия, чтобы заставить меня искать то, чего нет.

Бурцов сделал самое строгое лицо, какое много раз репетировал на процессах.

– Не понимаю, куда вы клоните. И вообще, при чем тут я...

– Эраст Сергеевич упоминал термин, который я называл только вам.

– Это какой же?

– *Machina terroris*, как вы помните.

– Этого я ему не называл, – возразил Бурцов, а секундой позже понял, что проболтался. Врать судебный следователь умел хуже, чем изобличать чужое вранье. Но и признавать ошибки не боялся. Он поднял ладони вверх.

– Ладно, поймали. Зволянский душу из меня вынимал...

– Почему не убедили его, что *machina terroris* – иллюзия? – спросил Ванзаров. Без малейшего намека на торжество.

– Он не имеет возможности поверить, – отвечал Бурцов.

Сам же не имел права сказать, какие силы давили на директора департамента и требовали результат любой ценой. «Вынь да положь» – как говорит хозяин лавки приказчику, когда тому стыдно продавать гнилье.

– К тому же за последние дни появились новые обстоятельства, которые и меня убедили больше, чем ваша логика, – продолжил он.

– Случилось нечто мне неизвестное?

– В некотором роде.

Каждое утро сыскная полиция получала из всех участков Петербурга отчет о происшествиях. Иногда чуть позже, чем о них узнавали репортеры уличных газет, но тем не менее. Ничего, что бы заставило Ванзарова обратить внимание и связать с недавними событиями, ему не попадалось, о чем он и сообщил.

Бурцов подмигнул, как шулер на прикупе.

– Вы не могли узнать.

– То есть в участки не попадало, – сказал Ванзаров.

– И не могло попасть.

Александр Васильевич попросил придвинуться ближе, еще не зная, насколько широко развешаны уши у нового помощника, и, понизив голос, рассказал о странных происшествиях.

Два дня назад некий господин Порываев зашел в бакалейную лавку, внезапно запрыгнул на прилавок, присел на корточки и стал кукарекать, размахивая руками. После чего спрыгнул и как ни в чем не бывало попросил полфунта чаю. Хозяин давно знал покупателя, вызывать городского не стал, а послал за доктором. Доктор прибыл, осмотрел Порываева, который не мог понять, что от него хотят, но на всякий случай предложил съездить в лечебницу для душевнобольных «Фрея» на Васильевском острове.

Второй случай произошел вчера в модном салоне мадам Живанши, хорошо известной как «Смерть мужьям» за безжалостные цены на платья и шляпки. Некая мадам Граевская зашла в салон и стала смотреть журнал парижских мод, как вдруг вскочила с места, подбежала к манекену, сорвала с него меховую шапочку (мех беличий, отменный) и принялась рвать зубами, как волк зайца. Модистки потеряли дар речи. А сама мадам не знала, что делать. Однако порыв быстро прошел, Граевская отбросила разодранную шапочку, выплюнула пух и стала рассматривать журнал. Был вызван врач, который ничего не обнаружил и тоже предложил навестись в частную лечебницу доктора Фрея.

Последнее происшествие Бурцов пересказывать не стал, сославшись на неприличные подробности, связанные с физиологией.

– Вам об этом сообщили из Общества экспериментальной психологии? – спросил Ванзаров.

Догадка была настолько неожиданной, насколько обидной.

– И вам донесли? – с некоторым оттенком ревности спросил Бурцов.

– Происшествия в разных участках города. Значит, были вызваны разные доктора. При этом общая информация собралась в одних руках. Больница Св. Николая Чудотворца о своих пациентах не распространяется. А вот Общество как раз собирает подобные случаи и публикует популярные отчеты без фамилий. Осталось предположить, что вы лично знакомы с кем-то из его членов.

Бурцову оставалось признаться:

– Под большим секретом мне рассказал Николай Петрович Вагнер, председатель Общества.

– Это тот Вагнер, что вместе с Аксаковым считается столпом русского спиритизма?

– Зря иронизируете, Родион Георгиевич... Да, это он... Теперь занимается сложными вопросами психологии.

– Не удивлен. Психология не далеко ушла от спиритизма.

– Тем не менее факты имеются, – резко ответил Бурцов, чтобы исправить течение разговора. – Господин Вагнер был удивлен частотой случаев, их схожестью, внезапным началом и стремительным завершением.

– Он лично опрашивал господ начудивших?

Бурцов коротко кивнул.

– И выразил опасения: ни с чем подобным ему сталкиваться не приходилось.

– Осенью слабым головам особенно тяжело, – сказал Ванзаров.

– Нет, причина сезонных обострений исключена.

– Полагаете, эти случаи – результат действия *machina terroris*?

Александр Васильевич должен был признать, что общаться с Ванзаровым не слишком приятное занятие. Чем дальше, тем сильнее чувствуешь себя глупцом. Чтобы отогнать печальное открытие, Бурцов нахмурился.

– У вас найдутся иные объяснения?

Встав, Ванзаров спрятал руки за спиной.

– Господин Зволянский строго указал: дело не заведено – сыскной полиции соваться нечего. Не могу ослушаться приказа. – И он поклонился на прощание.

– Постойте! – вскрикнул Бурцов, видя, как чиновник сыска направляется к двери. – Так вы займетесь розыском машины страха?

– Прошу простить, Александр Васильевич, нельзя найти то, что отвергает логика.

Ванзаров крепко захлопнул за собой дверь.

Судебный следователь подошел к ящику телефонного аппарата, что висел сбоку от его стола, покрутил ручку и назвал в воронку амбушюра номер из трех цифр. Его быстро соединили.

– Он возьмется, – сказал Бурцов и, выслушав, ответил: – Да, я уверен в этом вполне...

8

Екатерининский канал

Веселый народец, что живет от Сенного рынка, промышляет кто чем может. Одни собирают в мясном ряду обрезки и кости, которые волокут на Никольский рынок, где ядреное месиво вываривают в больших чанах и разливают за копейку в миску с краюхой хлеба. Другие сгребают овощные очистки, листья капустные, хвосты морковки, луковую шелуху, гнилой картофель, все, что выбрасывают торговки, и продают ведрами в рестораны, где держат молочных поросят. Кто-то крадет помаленьку, что плохо лежит, пока не поймают и не побьют.

А есть ловкачи, что выуживают из канала вещицы, что в нем очутились. Ловля нехитрая: выстругивают длинную палку, цепляют на конец самовязанный сачок, идут себе по набережной, и давай шерудить по дну. Много чего находят. Порой золотое колечко с камушком, что с пальчика барышни упало и пропало. Но по большей части всякий мусор, которому тоже применение находится.

Семка, известный удильщик, вышел на свой промысел с голодухи. Третьего дня спустил в известном трактире[7 - Трактир с крепкими напитками.] Васильева Иоакима Емельяныча на Сенной все до копейки, есть совсем нечего. Вот и пришлось в самую мерзкую непогоду тащиться с сачком на канал. Идет он вдоль ограждения, но ничего не попадает. Сачок воду процеживает, ничего путного. Как вдруг что-то нашлось. Да такое, что «с месту не сдвинуть». Тут Семка затаился, чтобы другие товарищи не заметили: наверняка большая добыча выпала. Подождал, будто отдыхает на ледяном ветру. А тут у набережной как раз спуск к воде имелся, весь в граните, как раз невдалеке от Кокушкина моста.

Не отпуская палку, Семка сошел по ступенькам и давай к себе подтягивать. Добыча большая, тяжелая, идти не хочет. Но Семка умелый, приноровился и сдюжил. Из воды показался верх большого куля. Наверняка прачка обронила ворох одежды. Продать, так рубля два заработаешь.

Не замечая холода гранита – к холоду народ привычный, – Семка встал на колени, сунул руку в ледяную воду и вцепился в свою находку накрепко, чтобы не упустить, а как вцепился, так и другой рукой подхватил ее, и потащил, и дернул, и вытянул из воды.

– Это, что там такое? – раздался голос сверху.

Оглянулся Семка беспомощно. У спуска стоял городской Ермыкин – принесла нелегкая... Семка хотел было оттолкнуть от себя, бросить в воду то, что повезло выловить, но руки не отпускали.

– Вона чё... – пробормотал он с виноватым видом.

А городской уже спускался к нему, припечатывая подковами сапог гранит ступеней.

– Мать честная... Так это же плавунец...

Страшное слово прозвучало, и некуда было Семке от него спрятаться.

Так и держал улов...

9

Литейный проспект, 45

По проспекту шел гигант в расстегнутом пальто с желтым саквояжем, от которого шарахались дамы и лошади. Точнее, от облака, исходящего сигарильей, что плыло за ним. Запах был столь крепок, что ни октябрьский холод, ни ветер, ни морось не могли с ним справиться. Голубь, залетевший в облако, упал камнем и беспомощно бил крыльями по тротуару. Городской, до

которого долетела волна, хотел было прекратить безобразие и даже схватился за шашку, но, заметив, кто изволит баловаться сигаркой на свежем воздухе, отдал честь и пожелал доброго дня. Господин кивнул ему с высоты своего роста и величественно зашагал дальше. Вопли и стоны несчастных, попавших под новые волны дыма, он не замечал, принимая за уличный шум.

Настроение у него было отличное. И было от чего. Аполлон Григорьевич взял себе неприсутственный день[8 - Выходной.]. Вот такое у него случилось настроение. Отдавая криминалистике все дни, а если требовалось и ночи, что не были заняты актрисками, Лебедев решил, что и ломовой лошаденке требуется отдых. Захватив походный саквояж, с которым он никогда не расставался, великий криминалист покинул свою лабораторию на третьем этаже департамента полиции и отправился куда глаза глядят.

Его характера хватило бесцельно слоняться по улице ровно на пять минут. Свернув с Пантелеймоновской на Литейный проспект, Лебедеву потребовалась цель. Она нашлась довольно легко. Вспомнив, что недавно обидел хорошего, в сущности, человека, хоть немного свихнувшегося на спиритизме и фотографировании животного магнетизма, он направился напрямик к дому поблизости от Невского проспекта. Такие мелочи, как неприлично раннее время для визита, в расчет не брались вовсе...

...За последнее время доктор Погорельский пережил столько потрясений, столько утрат, что вера его в нужность дела, которому он отдавался целиком, сильно пошатнулась. Он смотрел на черно-белые снимки ладоней, из которых исходили иголки наподобие морозных узоров, и думал, что неведомая сила, оставившая отпечаток, так и осталась загадкой. Да есть ли она вообще? Не обман ли, или того хуже, самообман – спиритизм и его проявления?

От тяжких мыслей Погорельский впал в хандру, что случается с жителем Петербурга гораздо чаще насморка. На звонок в дверь он лениво повернул голову: все приемы пациентов были отменены, никого не желал видеть. Позвонят и уйдут. Не принимает доктор, нет его.

Гость проявил упорство. Трезвонил так, будто собрался вырвать звонок с корнем. Чтобы отделаться от незваного посетителя, доктор прошлепал босыми ногами, в домашнем халате, к двери.

– Приема нет, уходите, – довольно грубо прокричал он, не отпирая замок.

– Отопритися-отворитися, месье Погорельский, к вам гонец прибыл, подарочек принес...

Голос был знаком. Меньше всего доктор желал видеть этого человека, поступившего с ним... да что уж тут скрывать: поступившего по-свински. С ним, его честью ученого и его изобретением. После такого руки ему подавать не следовало. Но, вместо того чтобы прокричать спиритическое проклятие на веки вечные и вернуться в кабинет, Погорельский открыл замок. А может, испугался, что гость вынесет плечом его не слишком крепкую дверь. С него станется.

– Что вам угодно? – спросил доктор, стоя на пороге и разглядывая цветущую усатую физиономию. Пахло от гостя чем-то изумительно мерзким.

– Приятнейший Мессель Викентьевич! Пришел к вам с миром и покаянием. И не с пустыми руками пришел, а с целительным средством. А то, гляжу, вы что-то, коллега, совсем раскисли.

Как ни хотел Погорельский злиться, но наглая дружелюбность, которой светился Лебедев, невольно подкупала.

– После того что было, вы еще смеее явиться... – печально сказал Погорельский.

– Да подумаешь, делов-то! – легкомысленно рявкнул Аполлон Григорьевич на всю лестницу. – Зато какая польза: убийцу поймали!

– Но какую цену потом пришлось заплатить.

– Цена не имеет значения, когда дело идет о поиске истины, – изрек Лебедев и сам удивился: все-таки долгое общение с Ванзаровым приносит странные плоды.

– Столько жертв... Столько жертв, – плаксивым голосом произнес Погорельский. – Моих друзей больше нет...

– Ничего, свидитесь на спиритическом сеансе.

Аполлон Григорьевич имел редкий талант: брякнуть гадость, на которую нельзя было обижаться. Погорельский, как ни старался, не смог найти в себе сил обидеться на этого цветущего гиганта, перед талантом которого втайне преклонялся.

– И что же за подарок мне принесли? – печально спросил он.

Из саквояжа появилась склянка с прозрачной жидкостью без этикетки.

Доктор невольно сглотнул слюну:

– Это то, что я думаю?

– Оно самое! Средство от всех болезней и печалей.

Погорельский посторонился:

– Ладно уж, проходите, раз пришли...

...Через час, когда он окончательно очнулся после рюмки «Слезы жандарма», жизнь показалась ему не так уж и дурна. Да, в ней случаются трагедии утраты, но она стоит того, чтобы жить дальше и заниматься наукой, раскрывая загадки и тайны бытия. Доктор ощутил себя исцелившимся, во всяком случае – от хандры, и на радостях окончательно простил Лебедева.

– Что, Аполлон Григорьевич, желаете продолжить опыты по электрофотографии? – спросил он, выйдя к гостю переодетым в свежую сорочку, галстук и пиджак, как полагается.

– Ваш метод может быть полезен, но требует большого количества экспериментов и систематизации, – отвечал Лебедев, пряча склянку с волшебной жидкостью в нутро саквояжа. Доктор не мог оторвать от нее взгляд. – На это у меня нет времени. А вот другой вопрос сильно стал занимать меня...

– Какой же?

– Гипноз...

Погорельский решил, что ослышался. Но Лебедев уверенно повторил: именно, гипноз как метод.

– Фантастика! Но для чего вам? – не мог поверить доктор, который хорошо помнил, с каким отношением к гипнозу еще недавно имел дело.

– Я тут поразмышлял на досуге и пришел к выводу, что мне следует изучить гипноз поглубже. Чтобы понять механизм воздействия, так сказать. Исключительно с точки зрения криминалистики...

Аполлон Григорьевич слукавил. Как обычно. Мысль изучить гипноз посетила его не просо так, он представлялся ему способом окончательно прихлопнуть психологию Ванзарова. Раз и навсегда.

– Вы же занимаетесь гипнозом в медицинских целях, исцеляете больных, – продолжил он. – Вот решил поучиться у вас маленько... А может, и меня заколдуете, то есть загипнотизируете...

Доктор чувствовал, что его обманывают, но только не мог понять, в чем именно. Оказаться жертвой эксперимента еще раз ему совсем не хотелось.

– По счастливой случайности в Петербурге находится сам Токарский! – торжественно заявил он. – Вот у кого можно учиться! А я с ним знаком, могу вас представить.

– Токарский? – проговорил Лебедев, сморщив мину. – Кто такой?

– О, это светило русского гипноза, автор множества научных работ. Ординатор московской психиатрической клиники. Про гипноз больше его знает разве только профессор Бехтерев.

Аполлон Григорьевич испытывал недоверие.

– А в столице как он оказался?

– Будет давать показательный сеанс гипнотического воздействия в больнице Святого Николая Чудотворца.

– Умалишенным гипноз показывать? – беззастенчиво спросил Лебедев. – Пустая трата времени.

Такой оборот Погорельскому сильно не понравился, но обижаться он не смог. Как видно, жар «Слезы жандарма» еще не остыл.

– Это серьезная лечебная методика, – ответил он. – А пока доктор Токарский дает приемы по лечению гипнозом алкоголизма.

Аполлон Григорьевич неприличным образом заржал.

– От алкоголизма исцеляет «Слеза жандарма», – сообщил он, смахнув набежавшую из глаза каплю. – Ладно, уговорили. Поехали к вашему кудеснику гипноза.

Погорельский окончательно убедился, что поступил мудро. Пусть теперь московская знаменитость испытает на себе нрав великого криминалиста. Визит в Петербург станет незабываем.

10

Екатерининский канал

Ветер бросил на грудь пристава орден желтого листка. Вильчевский смахнул награду и поежился. В шинели уже было холодно, а еще не зима. С годами службы Петр Людвигович все меньше терпел, когда его вызывали на уличное происшествие. Стоишь, как в цирке, под взглядами зевак и деваться некуда, отдавай команды. В этот раз отгонять любопытных было проще. Вильчевский приказал оставить тело на гранитных ступенях набережной. Выходило, что несчастного не видно с трех сторон. А с противоположного берега канала не очень-то разглядишь. Да и глазеть в сырую непогоду охотников немного нашлось, городовым гонять никого не пришлось. Кажется, уличный люд не понял, что полиция выставлена в оцепление.

За плечом пристава кто-то натужно сморкался. Кто в участке каждую осень встречает насморком? Ну конечно, старший помощник Можейко.

– Так что, Петр Людвигович, прикажете забирать? – последовал осторожный вопрос сквозь густое сопение.

Вильчевский оглянулся.

Можейко закутался шарфом под самый нос, который он заботливо утирал платком.

Помощник пристава маялся не только от простуды, но и от бессмысленных мучений на холодном ветру. Ну, что тут время зря тратить? Все же очевидно... А личность погибшего все одно предстоит выяснить в участке. Так зачем же над собой издеваться? И так уже намочил руки и пальто ледяной водой, когда вместе с городовым укладывал тело на ступеньках.

Столь разумные доводы можно было провозглашать сколько угодно, но про себя. Каждый городской 3-го Казанского участка знал, что пристав в любой ерунде будет соблюдать строгий порядок, что означало: его помощнику на ветру составлять протокол осмотра, пока пальцы не задубеют или чернила не замерзнут.

– Может, послать за санитарной каретой?

Нетерпение Можейко пристав не замечал. Он думал о своем. Не нравился ему с виду обычный утопленник. Не нравился, и все тут. Вильчевский никак не мог разобраться, что именно вызывает смущение. И вовсе не то, что человек утонул в канале. У него на участке такое, конечно, не часто, но случается. По большей части от пьянства, от него все беды. Вот только господин не выглядел пьяницей: моложавый, одет прилично, если не сказать со вкусом и щегольством. Лицо вода испортила, но с виду не скажешь, чтобы страдал пороком неводержанности. Господин образованный, состоятельный, такой в бесчувственном виде в канал не свалится. Хотя... кто его знает.

– Рановато для плавунцов, как полагаешь, Адольф Валерианович?

Вопрос исключительно не понравился Можейко. Означал, что господин пристав что-то там себе напридумывал. А возразить нельзя: плавунцы объявлялись по весне, когда вскрывался лед и вода отдавала урожай, который долгие месяцы зимы копили проруби. Кто сам падал, а кого пырнут ножичком, толкнут в быстрину под мостом, и концы в воду. Каждую весну плавунцов набиралось трое, а то и больше. Осенью такие сюрпризы участок получал редко. В прошлом году точно не было.

– Дело такое, непредсказуемое, – отвечал Можейко, сморкаясь.

– Ножевых ранений или прочих повреждений вроде не заметно.

Помощник пристава лишний раз старался не приближаться к трупам, тем более промокшим. Но согласился: действительно не заметно. Особенно если смотреть издалека.

– Прикажете осмотр в участке провести? – спросил он с надеждой.

Вильчевский перегнулся через перила и глянул на утопленника. Господин лежал на ступеньках так мирно, будто прилег отдохнуть. Только помутневшие глаза его остекленело смотрели в серое небо. Пристав имел полное право одним махом скинуть ненужные хлопоты.

– Вот что, Можейко, руки в ноги, и бегом к нам на Офицерскую, возьми кого-нибудь из сыскной и тащи сюда, – сказал он, не слишком желая этого, как будто неведомая сила дернула его за язык.

Такого поворота помощник не ожидал.

– Для чего же сыскную, Петр Людвигович? Все же очевидно...

– Порассуждай мне! – напомнил Вильчевский, кто тут пристав, а кто его помощник. – Подобрал сопли и марш. Чтобы через четверть часа был здесь с сыском.

Спорить было бесполезно. Можейко решил, что лучше согреться в беге, чем промерзать на месте, и припустил по каналу в сторону Львиного мостика.

Сыскная полиция, как известно, размещалась в большом полицейском доме Казанской части столицы. На первом и втором этажах располагался участок, а выше – сыск. Можейко вошел в теплое помещение, и ему захотелось остаться здесь. Но с приставом шутки плохи. Не распутав шарфа, он поднялся на третий этаж и вошел в приемное отделение сыска.

За столами трудились несколько чиновников. Никто не проявил интереса к вошедшему. Очень извиняясь, Можейко просил кого-нибудь из господ проследовать за ним на Екатерининский канал, поскольку пристав требует кого-нибудь от сыска на уличное происшествие. Он нарочно умолчал об утопленнике, зная, что в таком случае его сразу погонят: подобной мелочью полиция должна заниматься сама.

Добровольцев не нашлось. Чиновники были чрезвычайно заняты неотложными делами. Тут в приемное отделение вышел сам начальник, статский советник Шереметьевский, узнал, в чем состоит нужда полиции, и немедленно распорядился. Чиновнику, сидящему в дальнем углу у окна, было приказано отправиться на место происшествия. Можейко сделал вид, что пропустил мимо ушей комментарий, который позволил себе начальник сыска при постороннем. Дескать, хватит вам, господин Ванзаров, витать в облаках, пора бы уже заняться чем-то полезным.

Чтобы не стать свидетелем худших замечаний, Можейко поспешил на лестницу. Там его догнал Ванзаров и спросил, кого нашли утонувшим у Кокушкина моста? Можейко выразил удивление: неужели в сыск уже сообщили? На что получил ответ: прибежал запыхавшись. Значит, происшествие случилось не более чем в семи минутах быстрого шага. Зная пристава, из дальнего конца участка он бы послал городского, а поблизости – своего помощника. Ближайшее место со спуском, где могут положить тело, – Кокушкин мост. Что же до утонувшего, то иной причины замочить оба рукава пальто у помощника пристава на таком холоде не нашлось бы.

Можейко пришлось не отставать от Ванзарова, который шел излишне резво, так что помощник пристава окончательно согрелся.

Издалека завидев спешащую фигуру, Вильчевский обрадовался. Ванзарова он считал одним из немногих чиновников сыска, у которых голова набита мозгами, а не чернилами, и всегда выказывал ему свое расположение, но с дружбой не набивался.

– Ну, Родион, приятный сюрприз, – сказал он, снимая перчатку и подавая руку. – Это как же тебя послали на такую ерунду?

– Приказы начальства не обсуждаются, а исполняются, – ответил Ванзаров крепким рукопожатием, которое так нравилось приставу.

– Опять впал в немилость у начальника?

– С чего бы вдруг? Прекрасные отношения.

– Ну-ну, конечно, – ответил Вильчевский, который по хмурому виду чиновника сыска понял, насколько отношения прекрасные. – Тогда помоги нам, окажи милость.

– Петр Людвигович, по какой причине решили вызвать сыск? С такими историями сами отменно справляетесь.

Пристав подмигнул:

– Ты только посмотри по-своему. Вдруг мы что-то упустили. Если в самом деле обычная история, доносить не стану. Даю слово.

И Вильчевский уступил место, с которого открывался лучший вид на гранитный спуск. Он ожидал, что Ванзаров спустится, осмотрит тело, как полагается, если повезет, прикажет вызвать Лебедева. Ну и так далее.

Ничего подобного не случилось. Ванзаров замер у чугунных перил, глядя вниз, туда, где лежал утопленник. И не шевельнулся, чтобы исполнить свои обязанности. Будто впал в оцепенение или испугался покойника. Такого поведения пристав за ним не замечал.

– Родион, что с тобой? – спросил Вильчевский, легонько коснувшись рукава его пальто.

Ванзаров повернул голову.

– Тело и одежду досматривали?

– Никак нет. Тебя ждали. А что ты такой...

Перебив, Ванзаров потребовал сделать то, что вызвало в душе Вильчевского настоящий, а не выдуманный страх. Пристав подумал, что зря не послушался Можейко. Нутром полицейского почуял, что вляпался в крупные неприятности, из которых еще неизвестно как выбираться.

11

Гагаринская, 23

Третья гимназия считалась заведением вполне достойным. Конечно, далеко ей было до громкой славы Второй гимназии, или Ларинской, или Царско-Сельского лицея, но все же чиновники средней руки с охотой отдавали своих мальчиков в обучение с десяти лет, платя за бесценный багаж знаний ребенка шестьдесят рублей в год.

Как в любой гимназии, кроме математики, физики и чистописания здесь обучали древним языкам, то есть латыни и греческому. Учитель латыни Образцов Александр Гаврилович был известен беспощадным нравом, от которого вздрагивали сердца гимназистов. За свою строгость он заслужил прозвище Горгона в честь известной дамы со змеями вместо волос, от взгляда которой любой древний грек окончательно каменел.

Заработать у Образцова «отлично», наверное, не смог бы и сам Цицерон, неплохо на этой латыни болтавший и даже оставивший кое-какие свои речи в списках, которыми теперь мучили гимназистов. «Хорошо» считалось высшим баллом у Горгоны. В основном же он ставил «удовлетворительно» и «неудовлетворительно», а частенько вlepлял «кол», чем приводил в отчаяние директора гимназии, который никак не мог образумить строптивного латиниста.

На нынешний урок гимназист 4-го класса Заморин не выучил ничего. С утра истово помолился, чтобы его не вызвали к доске. То ли молитва была недостаточно искренней, то ли на учителя молитвы не действовали, но

Заморина, как назло, вызвали первым. Заранее зная, чего ожидать от данного субъекта, Горгона изготовил своих змей, чтобы жалить дитяню.

– Ну-с, молодой человек, извольте сообщить нам в четырех спряжениях глагол *rego*[9 - *Rego* – править (лат.).], – приказал он, недобро поигрывая указкой. Ее педагогическая сила была известна загрявкам гимназистов. Рука у Горгоны тяжела, но латынь вколачивала в головы накрепко.

Стоя у доски, как одинокий пират перед расстрелом англичанами, Заморин потоптался и пробурчал нечто нечленораздельное. Он не то что не знал спряжения, но и глагол слышал впервые.

Класс затих в ожидании неминуемой расправы.

– Не слышу! Громче! – потребовал Горгона.

– Э-м-м-м, – протянул Заморин, не в силах признать, что ничего не знает, а следовательно, заработает «кол» и получит дома от отца головомойку.

– Громче! Что вы мямлите, молодой человек! Латынь – язык гордых людей! Извольте говорить с гордо поднятой головой!

Понимая, что спасения нет и не миновать отцовского ремня, Заморин напоследок решил повеселить класс. Чтобы товарищи по несчастной латыни запомнили его героический поступок.

– Берекус-перекус, мелекум-керекум! – выпалил он, передразнивая, и зажмурился. Вот сейчас указка начнет с его шеи то, что снизу спины довершит ремень.

Но тут случилось чудо посильнее взгляда легендарной Медузы.

– Очень хорошо, юноша, – без тени иронии сказал Горгона. – Продолжайте: третье спряжение...

– Абес-мапес, фикус-какес! – сообщил Заморин, которому терять было нечего.

– Прекрасно... И теперь завершите четвертым...

– Вакупумис-дурукумис-пумпурумис!

– Вот, господа. – Горгона указал на замершего гимназиста. – Вот вам образец того, как надо учить латынь. Блестящие познания, Заморин. С легким сердцем ставлю вам «отлично».

Решительно не понимая, что случилось, и вообще, не сон ли это, Заморин вернулся за свою парту. Со всех сторон на него смотрели одноклассники. Притихшие и восхищенные.

– Так. Прошу к доске господина Нечурина. Проверим ваши познания в глаголах, юноша, – сказал Горгона, помахивая указкой.

Очередная жертва поплелась к ужасному концу. Нечурин обернулся, как идущий на казнь, и заметил, что товарищ его, Заморин, хитро подмигивает.

Гимназист намек понял. Только бы хватило духу под взглядом Горгоны.

12

Екатерининский канал

Само собой вышло, что пристав вытянулся в струнку. Хоть по армейскому чину был младше его немного: в полицию Вильчевский пришел в звании подполковника по армейской пехоте. Но перед этим человеком ощущал себя младшим офицером, если не рядовым – такой страх и трепет вызывал господин полковник жандармского корпуса.

Пристав докладывал обстоятельства старательно: как утром городской заметил, что местный бродяга вытащил из воды тело, как оставили его на ступеньках и не трогали до прибытия сыска. Карманы не обыскивали, причину смерти по внешнему осмотру установить не удалось. Выслушав, полковник приказал находиться поблизости. Вильчевский козырнул и попятился к городovým, испытав истинное облегчение.

Пирамидов подошел к Ванзарову, который с высоты набережной наблюдал, как двое сотрудников охраны, ротмистр Мочалов и чиновник Сокол, занимаются одеждой утопленника.

– Благодарю.

– Не за что, – ответил Ванзаров, не отрывая взгляда. – Чистая случайность, что послали меня.

– В некотором роде повезло, – сказал полковник. – Долго бы его разыскивали.

Что было правдой. Тело, попавшее в участок, могло пролежать сколько угодно. Вся полиция сбилась бы с ног, искавши, и не вдруг нашла. Никто бы не подумал, что сотрудник охранного отделения не пропал, не сбежал в Финляндию, а безымянный лежит в мертвецкой участка.

– Господин полковник, позвольте отбыть, – сказал Ванзаров, отвернувшись от тела, которое дотошно обыскивали.

– Оставайтесь, – последовал резкий ответ.

– Прошу простить, подобным происшествием сыскная полиция заниматься не может.

– Мне решать, кто может, а кто не может, – сказал Пирамидов тоном, не оставлявшим сомнений в этом праве.

Засунув руки в карманы пальто, Ванзаров оставался внешне спокоен и независим.

– То, что сразу опознали Квицинского, не полезли сами, а вызвали нас, говорит о вашей разумности, – начал полковник. – С другой стороны, я не забыл ваш недавний поступок.

– Какой именно, господин полковник?

– Обдурили Квицинского, но не меня. Думаете, сразу не понял, какой бесполезный хлам ему подсунули? Обманули доверчивого человека, а еще джентльменский договор с ним заключили. У нас мозгов хватает, разобрались. А ваш блеф раскрыт, Родион Георгиевич. Жаль, Леонид Антонович не сможет отплатить вам. Но смогу я. И очень того желаю.

Пирамидов выговаривал накопившуюся обиду. Мешать ему, а тем более оправдываться не следовало. Ванзаров умел слушать признания, что является обратной стороной психологии вообще и способности раскрывать преступников в частности. Особенно следовало помалкивать, если начальник охранного отделения признается в личной неприязни.

– Однако я готов закрыть глаза на ваш подлый поступок, не доводить его до сведения вашего начальства и даже посчитать шуткой, – продолжал полковник. Взглядом своим, тренированным на допросах в тюремных камерах, он давил и давил чиновника сыска. К его сожалению, Ванзаров не уступал, упрямо отвечая прямым взглядом, что задевало Пирамидова. – В нынешних обстоятельствах у меня нет иного выхода...

– Что именно ожидаете от меня? – спросил Ванзаров, вместо того чтобы принести хотя бы формальные извинения. Он знал, что закоренелый преступник не признается никогда. И правильно делает. Иначе пришлось бы слишком долго объяснять.

Пирамидов стерпел и это.

– Спрошу напрямик: считаете ли возможным, что Квицинский, молодой, сильный, умный и ловкий сотрудник охранного отделения, мой личный помощник, не буду этого скрывать, вдруг решил покончить с жизнью и нырнул в Екатерининский канал?

– Мне неизвестны обстоятельства его частной жизни.

– Он счастлив в браке, финансовых затруднений нет, в карты не играет, выпивает чрезвычайно редко и только шампанское.

– Неприятности по службе.

Полковник нетерпеливо дернул подбородком.

– Придумайте отговорки поумнее.

Чиновник сыска дипломатично смолчал.

– Повторяю вопрос: вы считаете самоубийство возможным?

– Нет, – ответил Ванзаров, все еще отражая суровый взгляд.

– Благодарю. Можете привести хотя бы один аргумент?

– Когда Квицинский пропал? – спросил Ванзаров, и без того примерно зная ответ, который читался по лицу трупа. Требовалось, чтобы Пирамидов немного сбавил напор.

– Мы расстались вчера в первой половине дня, – ответил он, не уточняя, где и при каких обстоятельствах. – Квицинский отправился по делам службы и не вернулся в отделение вечером. Что иногда случалось, если дела требовали его присутствия. Но сегодня утром его супруга прислала записку: Леонид Антонович не ночевал дома. На утреннем совещании не появился, чего не могло быть ни при каких обстоятельствах. Так что скажете о ваших наблюдениях?

– Во-первых, господин Квицинский одет для торжественного вечера. Если не ошибаюсь, на нем парадный костюм, крахмальная сорочка, галстук. Из кармашка жилетки свисает золотая цепочка часов, в галстук брильянтовая заколка, обручальное кольцо и перстень на месте.

– Хотите сказать, его не грабили на улице?

Ванзаров кивнул:

– Полагаю, сотрудник охранного отделения нашел бы способ защититься от нападения...

– У него не было личного оружия.

– Следов борьбы не заметил, – сказал Ванзаров и уточнил: – С того места, откуда мог рассмотреть.

– Допустим... Это все?

– Немного представляя характер вашего помощника, я бы сказал, что самоубийство – последняя слабость, которую Квицинский, как умный человек, мог себе позволить. Если бы захотел свести счеты с жизнью, не использовал бы такой ненадежный способ, как прыжок в канал. Выбрал бы яд или револьвер. В охранном отделении револьверы имеются?

Пирамидов машинально покачал головой и понял, что над ним подшутили. Но обижаться не стал. Не время мелочных обид.

– Именно поэтому мне необходимо знать, кто это сделал с Леонидом Антоновичем, – сказал он, почему-то избегая слова «убил».

Не трудно было догадаться, чего именно ждут от Ванзарова и чем он заработает прощение за шалость, так сказать.

– Дело будет проходить по 3-му Казанскому участку или по сыскной полиции? – спросил Ванзаров.

– Никакого дела нет – и не будет, – последовал неизбежный ответ. – Розыск строго конфиденциальный.

Полковника можно было понять: не хватало еще, чтобы в Министерстве внутренних дел узнали о странной смерти сотрудника охранного отделения. Как же полковник Пирамидов будет охранять трон и государство от посягательств, если не смог сберечь своего человека? Вот в чем неприятность...

– О господине Шереметьевском не беспокойтесь, это моя забота, – продолжил Пирамидов. – Ваша задача: найти того, чьих это рук дело. И указать нам. Никаких арестов, задержаний и протоколов. Только назвать человека, кто бы он ни был, и представить доказательства. Это все, что от вас требуется, Родион Георгиевич. Согласны?

Ванзаров понимал, что полковник недоговаривает нечто важное. Он не стал спрашивать о том, что нашептывала логика. Кое-что успел обдумать, пока ждал охранку и разглядывал с набережной тело своего знакомого, еще недавно живого и здравствующего.

– Потребуется помощь, – вместо согласия ответил Ванзаров.

– Все, что угодно. Что именно?

– Во-первых, мне нужно знать, с кем из агентов у Квицинского вчера была встреча.

Пирамидов выразил на лице, как неприятен именно этот вопрос.

– Тут мы бы и без вас справились.

В ответе был прямой намек: правила ведения секретной агентуры не позволяли полковнику знать эту информацию. Агентов охранного отделения, время и места тайных встреч знал только сотрудник, который их вел. Даже в отчетах указывались клички, чтобы риск раскрытия предателя сделать минимальным. Полковник действительно не знал, с кем мог встречаться Квицинский, в чем Ванзаров еще раз убедился.

– Потребуется сведения о делах, которыми занимался Леонид Антонович последнее время.

– Вам сообщат. Что еще?

– Содержание карманов Квицинского. Тело должен осмотреть Лебедев.

– Принято. Еще?

– У меня должно быть право задавать любые вопросы, кому сочту нужным.

– Такое право у вас есть. Все?

- Жене Квицинского сообщите, что муж отправлен в срочную командировку.
- Не возражаю.
- Фотографический снимок Квицинского.
- Вам доставят в сыскную.

Просьбы Пирамидов удовлетворял не хуже волшебника. Подозвав ротмистра Мочалова, приказал передать все, что было обнаружено при обыске одежды. А также ответить на любые вопросы, которые задаст чиновник полиции, без утайки. В обмен за любезность полковник потребовал, чтобы его постоянно держали в курсе, как продвигается розыск. Первый доклад – завтра утром у него в кабинете.

– И не вздумайте шутить со мной, – проговорил он, понизив голос. – Помните: найти, указать и отойти в сторону. Тогда в моем лице не обретете врага.

Неизвестно, что лучше: быть врагом или другом начальника охраны. Фортуна так переменчива.

Между тем на набережной канала нашелся человек, у которого случилось хорошее настроение, хотя он тщательно это скрывал. Пристав Вильчевский испытал невероятное облегчение и глубокую благодарность, когда Ванзаров шепнул ему, что дела не будет. Не будет вовсе. Как будто ничего не случилось. Даже несчастного случая. А то ведь пронюхают репортеры и напечатают в разделе «Приключения» пакостную заметку «Утонул в канале»...

Угол Вознесенского проспекта и Казанской улицы

Станислав Станиславович будто очнулся ото сна. Он находился у себя в конторе, в окна светил серый, но дневной свет. Что случилось с ним за последние часы, нотариус Клокоцкий не только не мог понять, но даже вспомнить. Вроде, как всегда, пришел в обычный час, отпер дверь, снял пальто, сел за стол. Дальше

вошел посетитель.

Обычно Клокоцкий запоминал людей с первого взгляда. В профессии нотариуса память на лица довольно важна. Но тут, как ни старался, не мог вспомнить, кто приходил. И даже не был уверен, приходил ли вообще. Оглядев кабинет, он понял, что у него происходило нечто странное. Если не сказать – ужасное.

Весь пол устилали бумаги, сброшенные с полок. Бумаги лежали на креслах, на столе и даже на чайном столике. Все, что в порядке и аккуратности Клокоцкий расставлял в папках, все прошлые дела и дела новые, превратилось в бумажную кашу. Хуже катастрофы, кажется, нельзя представить. Бродя по кабинету, как привидение, нотариус обнаружил, что бедствие еще хуже. Сейф, в котором хранились особо важные наследственные дела, был распахнут, а его содержимое в беспорядке валялось под столом. Причем ящики самого стола вытащены и брошены на пол. Разгром был полный и окончательный. Такого зверства не позволяет себе даже полиция при обысках. Чтобы восстановить порядок, придется закрыть контору на неделю. Да если бы только в этом беда...

Клокоцкий смотрел на часы и не верил своим глазам: исчезли два часа. Без следа. Что происходило в это время? Какая муха его укусила, что он разгромил своими руками дело всей жизни? И ведь не пьян, не в хмельном угаре. И такое натворил... Станислав Станиславович был уверен, что катастрофу устроил сам. Кто же еще, если дверь закрыта.

Что тут поделаться? На самого себя не заявишь в полицию. Жаловаться некому. И друзей почти не осталось в живых. Быть может, это ему наказание? Но за что? Что такого дурного натворил? Честно исполнял службу нотариуса.

На глаза попался журнал «Ребус», оставшийся на столе. И тут Клокоцкого посетила странная мысль: а не есть ли это наказание за то, что он занимался спиритизмом? Сколько раз у них обсуждались явления, которые случаются не на сеансе, а вот так, среди бела дня, неизвестно откуда. Может быть, и его кабинет навестила спиритическая сила, которая оставила такой разгром? Отсюда и провал в памяти. Поразмыслив, нотариус счел это объяснение самым разумным. Оставив все как есть, он оделся и вышел на улицу. Ему требовалось срочно поделиться и обсудить явленное чудо. И понять, что делать дальше. Клокоцкий знал, кто сможет помочь ему советом.

Угол Казанской и Демидова переулка

Мочалов с солдатской прямоотой заявил: он голоден так, что готов сожрать любого. Ничто человеческое не чуждо даже сотрудникам охраны. А за едой с аппетитом порой можно сболтнуть лишнего. Ванзаров пригласил ротмистра на поздний завтрак в ресторан гостиницы «Виктория». Кухня отменная, заведение поблизости, далеко ходить не надо.

Усевшись за столик, Ванзаров наблюдал, какое действие оказывает жандармский мундир ротмистра. Официанты перестали беспорядочно бегать по залу, небольшой оркестр затих, а гости незаметно перебрались подальше от опасной парочки. За свою репутацию, которая пострадает после прилюдного завтрака с жандармом, чиновник сыска не беспокоился. А ротмистр давно привык к страху и почтению, что вызывали его аксельбанты. Он живо взялся за рубленые котлеты с вареным картофелем и чухонским маслом, не забывая запивать хорошими глотками шабли. Ел Мочалов, как ест здоровый крестьянский мужик после тяжелой работы в поле. Любо-дорого посмотреть. Но посетители ресторана старательно обходили взглядами их стол. Даже дамы, которым полагается интересоваться заметными одинокими мужчинами, особенно когда их двое.

Пока организм ротмистра насыщался, Ванзаров разложил на столе находки из карманов утонувшего. Квицинский имел при себе: карманные часы на золотой цепочке, перочинный ножик, смятый цветок, промокший платок, портмоне и записную книжку в сафьяновом переплете. Портмоне хранило несколько сотенных купюр, счет из ресторана «Данон» от вчерашнего числа и телеграфную квитанцию отделения на Варшавском вокзале.

Ванзаров раскрыл слипшиеся листы записной книжки.

Квицинский вел записи карандашом. Иначе без Лебедева и его лаборатории прочесть было бы невозможно: вода смывает чернила. Слова сохранились. Леонид Антонович проявил похвальную осмотрительность: никаких фамилий и адресов, только сокращения. Последняя запись стояла на 1 ноября. Выглядела она так:

10. ВО/??!

На предыдущем листке за 31 октября было пусто. Завтрашний день, 30 октября был не слишком занят:

12. Г-к. (?)

4. С-й.

6. М-а/СГ.

Сегодня, 29 октября, господин Квицинский собирался:

11. КР./СГ.

3. ОБ./Г-к.

6. МК.

Нельзя сказать, что в эти дни сотрудник охраны планировал загрузить себя трудами. Зато вчера у него выдался день, полный забот:

9. КР./В-т.

11.15 Варш.

6. МК.

7. Т-в.

8. Дн./Р.

10. М-а.

Шифр казался несложным. Перебрав несколько мокрых страничек назад, Ванзаров нашел разгадку: с кем была последняя встреча, намеченная Квицинским вчера на десять часов вечера. Для этого следовало сопоставить «М-а» с днем, когда Ванзаров случайно узнал маленький секрет сотрудника охраны. Отлепляя и перекладывая пустые странички, Ванзаров нашел, что одна вырвана там, где должны быть планы на 3 ноября. Вместо нее остался чуть заметный корешок. Смыла вода отпечаток карандаша на соседней странице или криминалистика окажется сильнее, мог сказать только Аполлон Григорьевич. Тут логика бессильна.

Ванзаров спрятал вещи Квицинского в карман пиджака и разлил остатки вина. Французскую виноградную жидкость он пил исключительно по необходимости, считая пародией на древнегреческое вино, то есть бесполезной тратой времени.

– Горделив был Леонид Антонович, не так ли? – сказал он, поднимая бокал, не чокаясь.

– Ваша правда, хоть и друг он мне был давнишний, но высокого мнения о себе был Леонид, царствие ему небесное, любимчик нашего командира, – ответил Мочалов, одним глотком опустошив полбокала.

– Кого Квицинский встречал вчера на Варшавском вокзале?

Ротмистр легкомысленно пожал плечами.

– Агента, наверное. Эти подробности у нас даже господину полковнику не докладывают.

– Отчего у вас в отделении не поставили полицейский телеграф?

– Да что вы! Как можно... Стоит машинка... Вещь неременная. – Мочалов работал челюстями, как гребным винтом. – Скоро прямой телефон в Москву протянут. Без этого теперь нельзя.

– Вчера утром в крепости Леонид Антонович допрашивал эту Крашевскую... – аккуратно спросил Ванзаров, делая ставку на разгадку сокращений «Кр.» и «В-т.».

– Он допрашивал! – хмыкнул ротмистр. – Я все костяшки отбил, сорочку запачкал, а Леонид умные вопросы задавал. Пыль в глаза господину полковнику пускал очередной раз. И опять: без толку... Ничего эта, как ее...

– Электрическая женщина, – подсказал Ванзаров.

– Вот-вот, именно. Крепкая полька, ничего не сказала, только посмеивалась. Так знаете, что Леонид предложил после допроса?

– Боюсь предположить.

– Вызвать гипнотизера и погрузить ее в транс! – торжественно сообщил Мочалов. – Только представьте этот цирковой номер! А господин полковник согласился, на все глаза закрывает. Эх, дали бы мне ее в оборот, такое устроил бы без всякого гипноза, запела бы, как миленькая.

Дамам и господам с шаткими нервами не следовало знать, что бы мог устроить ротмистр. Они и так отсели от него подальше. У Ванзарова нервы были покрепче.

– Как полагаете, в чем причина интереса Квицинского к спиритизму?

Мочалов накрепко вытер рот салфеткой и отбросил в сторону.

– У него, видите ли, была теория: при помощи спиритических сеансов предотвращать покушения и вообще нанести такой вред революционному движению, от которого мерзавцы уже не оправятся. Например, узнавать, где склады оружия, подпольные типографии, когда прибывают посыльные из заграницы, где держат общую кассу и тому подобное. Без помощи агентов и провокаторов, а так сказать, загнув с вершин спиритизма. В любое время, когда будет угодно. Идея сильно пришлась по душе господину полковнику. Квицинский получил, можно сказать, карт-бланш. Делай, что хочешь, только дай результат.

– Много времени уделял?

Мочалов усмехнулся.

– Только этим занимался. Никаких других обязанностей. На сеансы спиритические ходил, знакомства с приезжими знаменитыми медиумами водил, в кружке спиритическом состоял, посещал их заседания.

– В кружке при журнале «Ребус»? – спросил Ванзаров.

– Нет, о таком не слышал... Леонид называл... Кажется... – Тут ротмистр напряг все извилины, какие у него имелись. – Ведь говорил же... Ах да: Петербургский медиумический кружок. Они на Сергиевской собираются.

– И что же, Квицинский сам вызывал спиритические силы?

Ротмистр только плечами пожал:

– Не удивлюсь. Примерил на себя личину и не мог отказаться, так увлекся. Да все без толку. Одни разговоры, а если касаются результатов, то, по моему мнению, их не было вовсе. Господину полковнику терпения хватит ненадолго.

Настал момент, когда надо было коснуться главного. Коснуться осторожно.

– В последнее время Квицинский приблизился к некому важному спиритическому открытию, – сказал Ванзаров, наблюдая за реакцией Мочалова. Тот ничем не показал, что чиновник полиции вторгся на запретную территорию.

– Был слух между нашими, – ответил он, раскрывая страшную тайну: оказывается, в охранке болтают языками почище любого чиновного присутствия, особенно когда не имеется точных фактов. – Вроде напал он на след какого-то аппарата, при помощи которого можно сильно мутить голову.

– Что за аппарат?

– Не имею понятия. Квицинский как-то обмолвился, что изобретение некоего петербургского чудака. Думаю, толку от него, как от спиритического сеанса. Да только господин полковник так загорелся, что места себе не находил.

Похвальное здравомыслие ротмистра следовало отметить. Вино кончилось, а заказать еще бутылку Ванзаров поленился.

– У вас, Николай Илларионович, острый и беспощадный ум, – ограничился он комплиментом.

В охранке Мочалову все больше приходилось работать кулаками. Такие слова пришлось ему по сердцу, он расцвел застенчивой девицей.

– Если бы господин полковник слушал не только Квицинского... – с искренним сожалением проговорил он. – Столько времени зря потеряли...

– Кто мог Леонида Антоновича столкнуть в канал?

Не заметив резкого перехода, ротмистр выразил глубочайшее непонимание.

– Удивляюсь... Леонид был не борцовского сложения, но за себя постоять мог... Заморочили ему голову сильно.

– Спириты?

– А кто же еще.

– Зачем было убивать его?

– Вот этого в толк не возьму, – честно признался Мочалов. – Хоть и не были с ним в товарищах, но жалко.

– Почему Квицинский не носил при себе оружия?

Вопрос отчего-то сильно повеселил ротмистра.

– Забавная история случилась, – сказал он. – С год назад нагрянули мы в кружок. Ничего существенного, так, интеллигентская болтовня. Леонид был с нами. Полиция окружила помещение, мы вошли. Тут у него нервишки сдали, непривычен он к практической работе, как закричит: «Ни с места! Руки вверх!» – ну и пальнул для острастки. Рука оружием не тренирована, дернулась на отдаче. Пуля шальная попала одному кружковцу в грудь. И сразу наповал.

– Господин полковник запретил ему прикасаться к оружию.

– Именно так. – Мочалов вздохнул. – Был бы при нем револьвер, может, остался бы жив... Да что теперь сожалеть... Жена вот у него молодая. Красавица. Не знает, что уже вдова, бедная. Сами съездите к ней с тяжелым известием?

– Возможно, – ответил Ванзаров.

Он выразил ротмистру благодарность за столь полезный разговор. Расстались они почти друзьями. У публики на виду Ванзаров крепко пожал руку жандарму. Мочалов так проникся доверием, что предложил обращаться, когда вздумается. Если будет нужда.

С его уходом зал ресторана ожил. Зашевелились официанты, музыканты взялись за струны, ожили разговоры гостей. Зато оставшийся за столом приятель жандарма получил сполна, то есть был награжден букетом презрительных взглядов. Ванзаров такие пустяки не замечал вовсе.

Снова раскрыв книжку Квицинского на 28 октября, он уже знал четыре записи из шести. Одну из них надо было проверить незамедлительно.

Расплатившись и оставив скромные чаевые, Ванзаров поднялся из ресторана в холл гостиницы. На лестнице, ведущей на второй этаж, мелькнул господин в черном пальто и скрылся за пролетом. Человек не был знаком, но Ванзарова посетило странное и нелогичное чувство: где-то видел его.

Где и при каких обстоятельствах?

Память отказалась помогать. Может, и показалось. Чего не бывает...

15

Угол рек Мойки и Пряжки, 1

Живет себе человек, ходит на службу, женат, имеет детишек. По утрам чай кушает, вечером домашний борщ хлебает. Живет себе – не тужит, жалованье

получает, сыновей в гимназии обучает, дочерям приданое копит. Но вот в один странный день, то ли солнце в глаза ударяет, то ли ветер влетает в голову, начинает ему казаться, что все не так устроено, как нужно, как правильно. А даже наоборот. Тогда человек прикладывает усилия полумки мира исправить, да только от этого хуже делается. Никто его не понимает, все обидеть хотят, и домашние его врагами ему становятся. И вот приходит к человеку прозрение: мир вокруг него окончательно сошел с ума. Лечить его надо, иначе все рухнет. Говорит об этом человек с жаром, с верой и напором. Проповеди его слушают дома и на службе, но недолго. Вскоре, если успокоительное не помогает, отправляется бедолага, прозревший и прогнавший с глаз морок реальности, в заведение, что стоит на берегу речки Пряжки, иначе именуемое больница для душевнобольных Св. Николая Чудотворца.

Место хорошее, тихое. Врачи заботливые, стараются человеку помочь, то есть вылечить от неправильных мыслей. Только разум человеческий – как фарфоровая фигурка, тонкий и хрупкий. Стоит поднажать или ударить ненароком – пойдет трещинка, за ней другая, а там, глядишь, рассыпается фигурка на осколки. Склеить можно, но следы останутся. После улучшения и выписки присмотр требуется. Доктора советуют на всякий случай исцеленному не давать режущих предметов или слишком умных книг.

Только не всех несчастных современная психиатрия, которая сделала огромный шаг вперед – один венский доктор Фрейд чего стоит, – излечить может. Не совсем разобрались, какая извилина для чего требуется. Подобных больных, вероятно, безнадежных, содержали на четвертом этаже больницы. Поближе к небу, так сказать, что видит все страдания человеческие.

Ординатор Охчинский Константин Владимирович как раз завершал обход отделения тяжелых больных. Он был хорошим врачом, а потому давно понял, что в этом случае помощь заменяет милосердие и терпение. Ну и усиленные дозы лекарства. Вместе с младшим доктором Сададьским он, как всегда, начал с дальней палаты. Заходя в каждую, Охчинский проверял записи, насколько изменилось состояние, выслушивал комментарии Сададьского, довольно однообразные, и шел дальше. Они прошли коридор и остановились у последней двери. В этой палате находилась больная, поступившая пять дней назад. Довольно молодая женщина пребывала в глубокой каталепсии, ни на что не реагировала, лежа неподвижно, глаза не закрывала. Еду не принимала, санитарки кормили ее насильно жидким бульоном, а на ночь делался укол снотворного. Причиной такого состояния стало глубокое нервное потрясение,

насколько было известно Охчинскому. Иных сведений ему не предоставили, зато был дан строжайший приказ: никаких визитеров к ней не подпускать. Даже если придут из сыскной полиции. Приказ исходил от охранного отделения, поэтому требовал безусловного исполнения. Желających навестить даму пока не нашлось.

– Как сегодня самочувствие Иртемьевой? – для порядка спросил Охчинский, зная неизбежный ответ.

– Извольте взглянуть, – сказал Сададьский, почему-то пряча глаза.

Охчинский открыл дверь палаты.

Стены комнаты с одним окном были выкрашены в мышино-серый цвет. Две железные кровати привинчены к полу, одна пустовала. Другая примыкала к окну. На ней сидела больная. Дама укуталась в одеяло, как в кокон, из которого виднелось бледное лицо с обострившимися скулами и носом. Она смотрела в небо, будто птица, мечтающая вырваться из клетки. На звук больная повернула голову. Охчинский отметил, что взгляд у нее стал почти осмысленный. Такого резкого и внезапного улучшения ординатор не мог припомнить в своей практике.

– Доброе утро, мадам Иртемьева... Как вы себя чувствуете? – спросил он особым «докторским» тоном.

Она отвернула голову и стала смотреть в окно, запрокинув подбородок.

– Меня зовут Макбет... Леди Макбет... – проговорила она тихо, но отчетливо. – Мои руки в крови... Мне не смыть с них кровь...

Охчинский оглянулся на спутника. Доктор Сададьский выразительно пожал плечами: дескать, очевидное, хотя и невероятное. Редкий случай выхода из каталепсии в шизофрению.

– Если чего-то желаете, дайте знать. Поправляйтесь, мадам, – сказал Охчинский и чуть не вытолкнул коллегу в коридор, где раскрыл лечебный лист. – Семен Францевич, это как понимать? Что ей давали?

Сададьский пробормотал что-то невнятное.

– Простите, не понимаю. Что мямлите?

– Строго по вашему назначению, Константин Владимирович...

Действительно, записи вечернего и утреннего приема лекарств выполняли точно по назначенному ординатором лечению.

– Тогда откуда такой эффект? – спросил он.

Младший доктор странно замялся.

– Так ведь вы же сами...

– Что я сам? – не сдержав раздражения, повысил голос Охчинский.

Окончательно припертый к стенке, Сададьский сообщил, что сегодня утром, еще до обхода отделения, господин Охчинский прошел вместе с посетителем в палату Иртемьевой и потребовал никому не входить. Примерно через полчаса вышел оттуда и вернулся в ординаторскую. Когда Сададьский заглянул в палату, мадам сидела, завернувшись в одеяло. Как на обходе.

Охчинский знал, что психиатрия довольно тонкая наука. Не заметишь, как окажешься на другой стороне койки и начнут лечить тебя. Но тут никаких сомнений: у младшего доктора случилось внезапное помутнение.

– Посетитель? Да еще и со мной вместе? Откуда ему взяться? Да вы бредите! – не слишком научно закончил он.

Кричать на себя Сададьский позволял только несчастным, то есть больным, и жене. Спускать ординатору подобное хамство он не собирался.

– Извольте сменить тон, господин Охчинский, – заявил он. – Я вам не лакей, чтобы терпеть выволочку. Говорю, что наблюдал лично: вы провели посетителя в палату...

Видя решительный настрой младшего доктора, ординатор растерялся. И испугался. Быть может, с ним случился провал в памяти, если не помнит, что произошло буквально час назад. Плохо дело, пора в отпуск.

Резко сменив тон и принеся искренние извинения, Охчинский сослался на усталость. Садальский извинения принял.

– Я ведь испытал зависть, – продолжил он. – Хотел одним глазком подсмотреть, как работает профессор Тихомиров.

Тут Охчинский испугался не на шутку: если не помнит, что был вместе со своим великим учителем и светилом психиатрии, дело совсем худо.

– Да, профессор Тихомиров, – не слишком уверенно сказал он. – Поздоровались?

– Нет, к сожалению. Хотел выразить профессору свое почтение, но лично его не видел. Так, мельком, со спины. Вы сказали, что профессор хочет оставить этот визит без лишней огласки.

– Да-да, именно так, без огласки, – согласился Охчинский. – Он хотел опробовать новую методику лечения, я не мог отказать своему учителю, как понимаете... И каков результат... Прошу оставить этот инцидент между нами.

Садальский, разумеется, обещал. Младший доктор жалел, что не посчастливилось ему ознакомиться с новым методом профессора Тихомирова.

16

Дом на Екатерининском канале

Ветер надувал тучи свинцовой тяжестью и выжимал капли дождя. Ветер откидывал поднятый верх у пролеток и гнал озябших лошадеенок. Ветер очистил гранитную лестницу от мокрых следов. Ничего не напоминало о том, что городовые подняли и перетащили в санитарную карету тело, укрытое простыней. На посту остался Ермыкин, который выхаживал и посматривал, будто мог объявиться новый утопленник. Он по-свойски кивнул Ванзарову, дескать,

бдим, и пошел обходом. А чиновник полиции поднялся на третий этаж дома и покрутил ручку звонка. Из квартиры раздался знакомый вой, как от паровозного гудка.

Последний раз он был здесь дней шесть назад и не думал, что вернется снова. Строить предположения или планы – лучший способ рассмешить богов, как узнали на горьком опыте древние греки, о чем стали писать трагедии и даже показывать их в театрах.

Дверь открыла горничная. Преображение случилось разительное. В ней не осталась игривого кокетства. Исчезла прическа черных волнующих кудрей, волосы были туго собраны на затылке, как у домашней учительницы. А лицо ее несло отпечаток пережитого горя, она не стеснялась покрасневших глаз. Даже просторную блузу, у которой на месте выреза красовались полосы тельняшки, теперь сменило черное платье с белым фартуком и коронкой.

Ванзаров галантно приподнял шляпу.

– Мадемуазель Муртазина, вы позволите? – сказал он, нарочно не поминая романтическое имя, которым она представлялась раньше.

– Господин Ванзаров... Простите, сейчас не вовремя. Мадам Рейсторм спит.

– Обещали ведь не поить ее каплями опиума.

– Без них она пребывает в беспокойстве. Прошу простить.

Ванзаров сунул ногу в проем, не давая двери закрыться.

– Вы не слишком радушны, – сказал Ванзаров, подпирая дверь плечом. – Не посмею беспокоить сны мадам. Я к вам.

– Ко мне? – спросила горничная с таким изумлением, будто получила предложение руки и сердца. – Но ведь все кончено. Чего вы хотите?

– Там, где одно кончилось, другое только начинается, как гласит закон циклического возвращения, – философски ответил чиновник сыска. – Если не

желаете приглашать в дом, накиньте платок, на лестнице холодно.

Поколебавшись, горничная отошла в сторону.

Оставив пальто и шляпу в прихожей, Ванзаров вошел в знакомую гостиную. Здесь все было по-прежнему. Вдова капитана 1-го ранга, заработавшая кличку мадам Пират за то, что не давала покоя приставу Вильчевскому, превратила квартиру в подобие корабля в память о покойном муже. С потолка свешивались канаты, веревочная лестница и гирлянды треугольных флажков. Стены были густо увешаны фотографиями морских офицеров, кораблей и портов. Большой книжный шкаф превратился в выставку корабельных приборов. Хозяйка этого редкостного музея дремала на своем капитанском мостике. Уронив голову на грудь, пожилая дама отчаянно храпела, не хуже коня в стойле, во всяком случае с меньшей резвостью. Ванзаров заметил, что свой телескоп Лебедев так и не удосужился забрать. Линзы все еще были направлены в окна дома напротив.

– Елизавета Марковна сильно сдала за последние дни. – Горничная говорила тихо, чтобы не разбудить.

– Узнав о случившемся, она не потребовала шампанского? – шепотом спросил Ванзаров.

– Что вы... Залилась слезами и стала молиться, будто это ее грех.

– Потеряла смысл в жизни?

Муртазина задумалась, в чем раньше не была замечена.

– Наверное, вы правы... Все мы потеряли смысл жить дальше...

– Так бывает, когда человек получает то, чего сильно хочет.

На него глянули хорошенькие глазки. Все те же, прежние.

– Вы так полагаете? Но ведь это ужасно... Получить желаемое и узнать, как ошибался...

– Один древний автор как-то сказал: бойтесь своих желаний, – сказал Ванзаров, которого интересовало: насколько глубокие изменения случились в игривой горничной. – То есть выбирайте их тщательно. Боги могут изрядно пошутить. А вы, мадемуазель, боитесь своих желаний?

– Уже нет, – ответил она, отведя взгляд. – Мне уже нечего бояться... Думаю, Елизавете Марковне осталось немного, новым хозяевам не понадобится, придется искать новое место. Что к лучшему. Не хочу каждый день видеть дом напротив...

Барышня повела подбородком в сторону окон. Ванзаров понимал, почему дом-красавец, именуемый в 3-м Казанском участке «Версаль», вызывает у нее тяжелые воспоминания.

Муртазина встряхнула головой, будто отгоняя дурные мысли.

– Так для чего я вам понадобилась, Родион Георгиевич?

Ванзаров позволил себе сделать несколько шагов по гостиной, будто разглядывая экспонаты.

– Что делали вчера вечером? – спросил он, посматривая на спящую даму.

– Что я делала? – переспросила Муртазина с нескрываемым удивлением. – Вас это в самом деле интересует?

– Чрезвычайно.

– Тогда должна признаться во всем. – Она сложила руки на переднике. – Я не делала ничего. Совершенно запустила дом. Пол не метен, пыль не убрана. Самовар и тот лень поставить. Мадам ест, как птичка, а я подьедаю за ней крошки. Даже в лавку лишний раз не хочется идти. Преступная лень...

– А в одиннадцатом часу вечера?

Муртазина вздохнула:

– Дала Елизавете Марковне капли и села на кухне. Свет не зажигала, жалко свечей.

– Господин Квицинский заглянул, когда мадам спала?

Кажется, вопрос пробил брешь в тоскливом спокойствии барышни. Нервными движениями она оправила фартук, и без того выглаженный.

– На каком основании задаете подобный вопрос, господин Ванзаров?

– Потому, что имею право, – ответил он, подходя к ней.

– Неужели? Вы уверены? Вам же известно, в чем состоят наши отношения с Леонидом Антоновичем.

– Полковник Пирамидов предоставил мне право задавать любые вопросы, кому сочту нужным.

Губки мадемуазель округлились, чтобы произнести фразу: «Так и вы теперь туда же». Но она умела управлять чувствами.

– В таком случае... Прошу не сердиться на мою маленькую хитрость. Вы же понимаете, о таких встречах нельзя рассказывать.

Ванзаров понимал.

– Спиритического кружка «Ребуса» больше не существует. Объектов вашего интереса не осталось, – сказал он. – Чего хотел от вас Квицинский?

– Почему бы вам не спросить у него самого?

– Когда сочту нужным, – ответил Ванзаров. – Что он хотел?

Муртазина закрыла глаза ладонью, будто от яркого света.

– Это было ужасно, – проговорила она. – Я не ждала его, встреча не была условлена. К тому же Леонид Антонович никогда не приходил сюда. Встречи всегда назначались в общественных местах. А тут вдруг... Открыла дверь и не узнала его. Он был в чудовищном состоянии...

– Пьян?

Она кивнула:

– Ужасно пьян. Никогда его таким не видела. Чуть не с порога набросился на меня. Он был... Он был в чрезвычайном возбуждении...

Порочная страстишка сотрудника охраны была немного нелогична.

– Отстояли свою честь? – беззастенчиво спросил Ванзаров.

– Пришлось дать несколько пощечин. И знаете, помогло. Леонид Антонович извинился, попросил воды и выпил чуть не кувшин. Потом сел в кресло. – Она показала на одно из тех, что стояли около шкафа с морскими приборами. – Стал прежним. Только икал часто.

Когда разумный человек делает в записной книжке пометку о визите, трудно предположить, что Квицинский планировал любовные утехи в пьяном виде. Психологика это целиком отвергала. Ванзаров вынужден был прислушаться к голосу лженауки, как упрямо называл ее Лебедев.

– Так какова была цель его визита? – спросил он.

Ответила Муртазина не сразу.

– Он дал мне новое поручение...

Ванзаров одобрительно кивнул. Все-таки прежняя Муртазина растворилась в горестях не вся. Кое-что осталось.

– Наблюдать за спиритами?

– Возможно. Подробности спросите у него.

Играла она хорошо. Печаль ей шла в качестве маски.

– С каких пор подвергнуть гипнозу считается поручением?

Когда хорошенькую женщину ловят с поличным, она применяет последнее оружие: невинную улыбку. Чем Муртазина и попыталась защититься.

– Если знали, зачем спрашивали...

– Квицинский обещал завтра в шесть вечера отвести вас к гипнотизеру? – продолжал Ванзаров.

– Сказал, чтоб была готова к пяти, заедет за мной. Вот, готовлюсь.

– Назвал имя специалиста?

Она покачала головой.

– Нет... Какая-то знаменитость... Зачем было спрашивать, если вам и так известно?

Барышня, вероятно, сильно бы опечалилась, если бы поняла: Ванзаров ничего не знал. Психологика предположила: если Квицинскому взбрела на ум идея проверить гипнозом заключенную в крепости, то отчего бы не испробовать его на печальной горничной? Догадка оправдалась вполне, раскрыв еще одну шифровку в записной книжке. Оставался самый важный вопрос. Тот, который наверняка волновал и Леонида Антоновича. Так волновал, что ради него он был готов на все.

– Что же Квицинский хотел вытащить из вашей головы щипцами гипноза?

Муртазина была тиха и печальна.

– Не знаю, – тихо проговорила она. – Я ничего от него не скрывала.

– Но ведь это очевидно.

– В таком случае сообщите мои скрытые мысли. – В ее голосе прозвучал вызов.

Вызовы Ванзаров всегда принимал с охотой.

– Вашей задачей в кружке «Ребуса» было следить за изобретением Иртемьева.

Молчание горничной было достаточным ответом.

– Квицинский резонно полагал, что вы или что-то знаете, или не подозреваете, что знаете нечто важное. Что и следовало из вас вытащить.

Она сжала виски ладонями.

– Для чего говорите мне это, Родион Георгиевич... Для чего мучаете... Что мне теперь делать: отказаться от гипноза? Прогнать Квицинского? Я не хочу, чтобы меня гипнотизировали, но я обещала ему. Обязательства мои никуда не делись. Как мне быть?

Искренние страдания имели власть над Ванзаровым. Особенно когда страдала хорошенькая барышня. Пусть хитрая и себе на уме.

– Завтра сеанса не будет, – сказал он. – Обязательства ваши исчерпаны. Считайте себя свободным человеком, если, конечно, пожелаете.

– Это невозможно, – возразила она, вытирая сухой глаз.

– Сегодня утром Квицинский найден мертвым. Для вас все закончилось. Во всяком случае, как для агента охранного отделения.

Известие Муртазина приняла чрезвычайно спокойно.

– Ах вот оно что... Как он погиб?

– Не имеет значения, – ответил Ванзаров, чтобы не поощрять женское любопытство. – Когда Квицинский ушел, выглянули в окно?

– Как-то само собой вышло...

– Куда он пошел?

– Было темно... Ничего не разобрала... – Муртазина сделала движение, будто хотела вцепиться в его руку. – Родион Георгиевич, я боюсь!

– Чего же?

– Там... – Она показала в сторону дома на другом берегу канала. – В тех окнах... несколько прошлых ночей я видела огоньки... Они плыли по воздуху... Как будто искали чью-то душу... Я знаю, кого они ищут... Они ищут меня... Спасите!..

Еще одну чистую головку замутил спиритизм. Переубеждать бесполезно. Чтобы утешить испуганную барышню, Ванзаров попросил показать, где именно она видела огоньки. Муртазина указала на окна гостиной и кабинета Иртемьева.

– Представьте: тишина. Ночь. И вдруг – вспыхивают... – Она не могла успокоиться.

– Вчера огоньки появлялись?

– Да. Поздно ночью. Мне не спалось, подошла к окну, а там...

Из кресла на капитанском мостике раздался тяжелый вздох. Проснувшись, мадам Рейсторм смотрела на людей, что выплыли в ее гостиную из сонных видений, мутным взглядом. Вдруг выхватила офицерский кортик, который прятался в складках шали, и замахнулась.

– Убийца! – закричала она так пронзительно, что у Ванзарова зазвенело в ушах. – Мерзавка! Нинка, акула злобная! На тебе кровь невинная! Ты и моей смерти хочешь, подлая! Так вот тебе...

Пожилая дама принялась колоть воздух с редкостным остервенением, нанося удары сверху вниз. Если бы клинок достиг цели, горничная превратилась бы в котлету. Муртазина не шевелилась. Ванзаров крикнул ей, чтобы несла капли, а сам принялся ловить старческую руку с кортиком.

Обезоружить мадам Пират оказалось несложно. Получив ушат проклятий и плевков, Ванзаров обнял Елизавету Марковну так, что она не могла шевельнуться, пока горничная не влила порцию успокоительного. Мадам затихала, как остывающий чайник, булькая руганью, пока не уgomонилась совсем. Кортик Ванзаров попросил забрать и спрятать от нее подальше.

Старуха погрузилась в глубокий и спасительный сон. Помочь Муртазиной было сложнее. Горничная плакала и просила верить: она никого не убивала. Ей так страшно, так страшно, как будто вокруг бродит призрак. И спасения нет.

Сейчас Ванзаров мог помочь только советом: никому не открывать. Особенно призракам. Потерпеть хотя бы несколько ближайших дней.

17

Дом на Бассейной

Лебедев подглядывал в щелочку. Погорельскому же места не хватило, он стоял позади криминалиста, делая вид, что ему совершенно безразлично, только поднимался на цыпочки, стараясь заглянуть через мощные плечи Аполлона Григорьевича, чего еще никому не удавалось.

В комнате для приемов на простом венском стуле, широко расставив ноги в начищенных сапогах, сидел мужчина не старше тридцати лет, в плечах крепкий. В кулаке он сжимал фуражку-московку. Одет был в простой пиджак, светлую (праздничную) косоворотку. Брюки заправил в сапоги. Перед ним, немного согнувшись, стоял господин в жилетке и сорочке, рукава которой были закатаны до локтей. Он держал тонкую цепочку, на конце которой покачивался хрустальный шарик. Медленно отведя шарик, господин пристально заглянул в глаза сидевшему, сделал движение ладонью, будто смахивает пыль, и наклонился к его уху. Аполлон Григорьевич видел шевеление губ, но не мог разобрать слов. Кажется, пациенту задавались вопросы. На каждый он отвечал

«да», растягивая, как в песне. Пошептав, господин в жилетке выпрямился, надел скюртук и щелкнул пальцами перед носом мужчины. Тот вздрогнул, огляделся и тяжело вздохнул.

– Как самочувствие?

– Хорошо... Не жалуюсь, доктор... Вроде тихо... Поможет ли?

– Поможет, господин Семенов, не сомневайтесь.

– Ну, раз так. – Мужчина поднялся и крепко потряс руку доктора Токарского, который скривился от такого простодушия. – Очень вам признательны, а то житья совсем не стало.

Выпроводив пациента, Токарский вернулся в кабинет, где ожидали гости.

– Прошу простить, господа, – сказал он с поклоном. – От этого господина легче отделаться, чем переносить сеанс.

– Не похож что-то фабричный на пьяницу, – бесцеремонно заметил Лебедев. – По виду – старший мастер или токарь высшего оклада с Путиловского завода. Такой пролетариат не пьет, а книжки читает.

– В этом вся беда, – согласился Токарский. – Господину Семенову как-то попался «Капитал» Маркса, и стал он его самостоятельно изучать. Ничего не понял, но только теперь Маркс разговаривает с ним.

– О чем же? – спросил Лебедев, еле сдерживая смех.

– О прибавочной стоимости. О чем же еще может говорить Маркс с рабочим Семеновым у него в голове.

Аполлон Григорьевич заржал так, будто находился у себя в лаборатории, ко всему привычной, чем вызвал улыбку Токарского.

– Вот и получили публичный урок гипноза, – добавил он.

Кулаком Лебедев вытирал глаза и брызнувшие слезы.

– Ну, если ваш гипноз, коллега, справится с Марксом, сниму шляпу.

– Посмотрим. Если Семенов не вернется, значит, победили мы марксизм. Должен признать, что гипноз не так всесилен, как хотелось бы.

Аполлон Григорьевич выразил большой интерес к вопросу.

– А сколько же исцеляются?

– Общих цифр нет, каждый доктор ведет свою статистику. В моей практике результат, скажем так... – Токарский задумался. – На сто человек – сорок перестают пить совсем, еще двадцать держатся больше года, десять – срываются через месяц, а с остальными ничего поделать нельзя.

Одобрение Лебедев выразил хулиганским свистом.

– Надо же, я-то думал, что пять, от силы – шесть, семь...

– Вы почти угадали, коллега, – ответил Токарский, зная, чем польстить великому криминалисту, знакомству с которым обрадовался чрезвычайно. – Европейские и американские доктора считают, что гипнозу, как таковому, поддаются шесть-восемь человек из ста. Есть, конечно, авторитеты, которые называют куда большие цифры. Так, доктор Льебо заявлял, что у него в клинике излечиваются девяносто два пациента из ста. Но я считаю такие цифры завышенными. По моему мнению, никак не больше десяти.

В уме Лебедев прикинул: выходит, из населения столицы примерно сто тысяч можно загипнотизировать. Совсем немало. Вот тебе и эстрадное развлечение.

– Поразительные сведения, – признался он. – Нигде раньше не попадались.

Токарский чуть заметно улыбнулся.

– Что касается гипноза, некоторые сведения стараются не разглашать.

– Опасно?

– Нет, чтобы шарлатаны не пользовались.

Погорельский ощутил себя обиженным и забытым: мало того что привел и познакомил с Токарским, так эти двое беседуют между собой, как будто он пустое место.

– А вот я считаю, что образование только вредит народу, – заявил Мессель Викентьевич. – Чему мы были свидетелями. Чем меньше народ читает, тем более счастлив. Да и что им надо? Водка, гармошка, щи да добрая баба. В этом их подлинное счастье.

– Да вы, батенька, реакционер махровый! – вскричал Лебедев и так шлепнул доктора по коленке, что тот чуть не слетел со стула. И уже не мог остановиться: – Драгоценный коллега Александр Александрович, а раскройте тайну...

Токарский выразил непонимание:

– Какую же тайну вам раскрыть, коллега?

– Можно ли при помощи гипноза управлять человеком?

Вопрос оказался не таким простым. Токарский хмыкнул и уселся так, чтобы его столичный друг Погорельский не чувствовал себя брошенным.

– Насколько глубоко вам знакома тематика гипноза?

– Отрывочные сведения. Но в целом ничего не знаю! – с радостью признался Лебедев. – Мессель Викентьевич грозил меня загипнотизировать, но так и не взялся.

– Бесполезно, – отвечал Погорельский, поглаживая коленку.

– Соглашусь, – сказал Токарский, особым прищуром рассматривая Лебедева. – Вы как раз из тех, на кого гипноз не действует. Никакой.

– А есть много гипнозов? – Аполлон Григорьевич изготавился получать новые знания, как хищник высматривает жертву.

– Несколько методик, – ответил Токарский. – Для начала надо, хотя бы в двух словах, описать историю возникновения гипноза.

Лебедев готов был слушать сколько угодно.

– Гипноз известен с глубокой древности, – начал Токарский. – Шелест листвы, журчание ручья, равномерные удары по дереву, повторение краткого слова или однообразного движения – все это приводит в особое состояние, которым пользовались служители разных религий, от индийских браминов до средневековых сект и дервишей. Чаще всего гипнотическое воздействие выглядит как возложение рук. Такие рисунки мы находим еще в древнегреческих папирусах. Царь Пирр, римский император Веспасиан и французский король Франциск I известны тем, что исцеляли возложением рук. Но начало гипноза как медицинского метода было положено Антониом Месмером.

– Месмер считал гипноз проявлением животного магнетизма! – не удержался Погорельский.

Токарский сделал вид, что не заметил.

– При всей ошибочности его теории, названной месмеризмом, именно Месмеру удавались первые исцеления больных при помощи особых пассов. Следующий шаг в изучении гипноза был сделан учеником Месмера, графом Пьюисегюром, который в 1784 году открыл особое состояние, называемое сомнамбулизмом, причем в это состояние он вводил пациентов при помощи гипноза. Особенность сомнамбулизма в том, что человек погружался в глубокий сон, в котором мысли и поступки его подчинялись магнетизеру. За исцеление больных Пьюисегюр получил народное прозвище «чародей из Безанси». В 1841 году в Лондоне месмерические опыты успешно показал Лафонтен, внук знаменитого баснописца. Они чрезвычайно заинтересовали доктора Брэда. Занявшись методическими исследованиями, он показал, что при внимательном фиксировании на каком-то предмете можно вызвать состояние, которое Брэд назвал гипнотизмом. В 50-е годы нашего века некоторые европейские и американские врачи начали применять гипноз, чтобы уменьшить боли при

операциях. С разным успехом. В 1866 году французский доктор Льебо отверг животный магнетизм и создал научную теорию лечения внушением. В 1878 году доктор Шарко в клинике умалишенных «Сальпетриер» проводил опыты, которые позволяли ему лечить гипнозом истерико-эпилептических больных. В 1876 году при медицинском факультете университета Нанси собралась группа врачей, которые изучили гипноз со стороны психических явлений, физиологии и даже судебно-медицинской стороны, создав основательную научную базу. Однако доктор Шарко не признал этих выводов. Вслед за тем последовала острейшая полемика между двумя школами французского гипноза, известная как спор Нанси – Сальпетриер, и побеждает в ней все же школа Нанси.

– И вы являетесь ее сторонником? – спросил Лебедев.

– В каком-то смысле, – ответил Токарский. – Развитие гипноза теперь так значительно, что на парижской Всемирной выставке 1900 года будет проведен съезд гипнотистов, который организует уважаемый меcье Берилльон. В России гипноз начался с 1881 года, с приезда гипнотизера Ганзена, он активно обсуждался в 1889 году на Пироговском съезде врачей, где я имел честь делать доклад на неврологической секции и участвовать в прениях. С особой гордостью должен заметить, что работы русских врачей Данилевского, Бехтерева, Данилло, Тихомирова внесли существенный вклад в научную теорию гипнотизма. Что же касается методов гипноза...

– Сколько этих методов? – перебил Аполлон Григорьевич.

– Фактически их три. Первый метод: когда внимание гипнотика...

– Кого?

– Того, кто подвергается научному гипнозу, – пояснил доктор с истинно врачебным спокойствием. – Так вот. Соматический метод Брэда заключается в том, что внимание гипнотика сосредотачивают на определенном предмете. Второй способ: у пациента возбуждают чувство, что он находится в состоянии гипноза...

– То есть фактически человек сам себя убеждает, что загипнотизирован? – спросил великий криминалист в порыве посетившего его откровения.

– Упрощенно говоря, Аполлон Григорьевич. Добиваться этого можно при помощи слов, как делал месье Льебо. Ну, и, наконец, третья методика, которую так любит публика на представлениях, – месмерические пассы. Из знаменитых европейских врачей ее сторонником считается Рише. Некоторые авторы сообщают, что гипноз может быть вызван легким почесыванием некоторых участков тела, например шеи. Но я лично не сталкивался с подобными проявлениями.

– Невольно подумаешь, что мать, качающая младенца в колыбели, – завзятый гипнотизер!

– Вполне допускаю, – согласился Токарский. – Только дети до трех лет вообще не поддаются гипнозу. И для точности терминологии должен заметить: гипнотизер – это человек, занимающийся гипнозом ради искусства. Мы называем себя гипнотистами. Не так ли, Мессель Викентьевич?

Погорельский изобразил столь многозначительный кивок, что никаких сомнений не осталось: он исключительно гипнотист, а не какой-нибудь фокусник.

– Что же касается состояний гипноза, то Шарко квалифицирует три: каталептическое, летаргическое и сомнамбулическое.

– Чем они отличаются?

– Глубиной погружения. Я склоняюсь к тому, что в процессе гипнотического воздействия гипнотик проходит шесть стадий. Первая: оцепенение и сонливость. Во второй, называемой гипотаксией, веки закрыты, наступает расслабленность членов. В третьей наступает мышечная каталепсия. Четвертая – разрыв связей с внешним миром. Пятая – легкий сомнамбулизм, который становится глубоким в шестой, окончательной стадии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Все даты даны по старому стилю.

2

Заместитель министра.

3

В городском обиходе – Литовский замок.

4

Machina terroris – машина страха (лат.).

5

Охранное отделение – отделение по охране общественной безопасности и порядка при градоначальнике Петербурга (политическая полиция), в просторечье – охранка.

6

Nowy Swiat – улица в центре Варшавы.

7

Трактир с крепкими напитками.

8

Выходной.

9

Rego – править (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/chizh_anton/somnambula

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)